

Егор Сандырев

НАЧАЛО ИСХОДА

Егор Сандырев

Начало исхода. Сборник рассказов

«Издательские решения»

Сандырев Е.

Начало исхода. Сборник рассказов / Е. Сандырев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-506044-0

В данном сборнике присутствуют рассказы разнообразнейшей тематики и направлений. Читателю будут представлены сказания в стиле славянского фэнтези и альтернативной истории, средневековые страшилки и рассказы про Великую Отечественную войну. Думается, что каждый желающий найдет себе что-то по душе.

ISBN 978-5-00-506044-0

© Сандырев Е.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1. Были и легенды	6
История Африкана Петровича	7
Космограф	14
Исповедь	20
Начало Исхода	26
Калинов мост	29
Куда пропал траншей-майор?	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Начало исхода

Сборник рассказов

Егор Сандырев

Оформление обложки Яна Юрьевна Колесникова

© Егор Сандырев, 2019

ISBN 978-5-0050-6044-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. Были и легенды

История Африкана Петровича

(идея Коцуба О. С.)

После случившегося Африкан Петрович зарекся впредь заниматься всякой ерундой и забросил все попавшиеся на его не слишком-то и тернистом жизненном пути книжки куда подальше. А началось-то все с сущего пустяка: кто-то пустил по городу шутку-байку, что Гайдар оставил завещание, согласно которого памятник его надлежало разломать и забрать оттуда спрятанный там клад. «12 стульев» отдыхает. Через месяц в городе из трех имеющихся памятников Гайдару уцелел только один, да и то лишь потому, что находился под охраной во дворе администрации. Под него тоже подкапывались, но ломать не дали. Зато под шумок досталось еще пяти другим памятникам Ленина. Ушлый народ разбираться не особо спешил, а потому ломать, так ломать! Разворотили в куски несколько постаментов и, естественно, ничего не нашли. За исключением Африкана Петровича. Тому вечно везло в жизни. Сначала повезло с веселыми родителями, которые не иначе, как в жесточайшем подпитии дали совершенно исключительное имя – Африкан. Потом повезло уже позднее, когда досталась ему, такая же, как и он, не от мира сего жена – Радия Лаврентьевна. По иронии судьбы женошника была обладателем просто шикарной фамилии главного советского НКВДэшника Берии. Африкан, явно завидуя, так как своей фамилией с несолидным звучанием – Сисичков, похвастать не мог, через полгода совместного времяпровождения с женой тоже стал Берией. Так вот, как было сказано, и раньше ему везло, то и сейчас несказанно повезло. Возвращаясь, как обычно, в пятницу вечером с работы, Африкан Петрович неожиданно заметил, что стоявший в гордом одиночестве в углу аллеи бюст В. И. Ленину разбит в пух и прах, а постамент, на котором когда-то гордо восседал гипсовый профиль вождя мирового пролетариата, был выворочен из земли и разбит.

«Вот, ироды! – грустно возмутился Африкан Петрович и подошел к поруганному памятнику. – Лысого-то, за что обидели?»

Горестно повздыхав, Африкан Петрович вспомнил, как во времена своей не слишком давней юности, водили сюда его со всем классом гуртом и посвящали в пионеры. Пионер из него, естественно, был никакущий, а уж, по мнению председателя пионерской дружины, так вообще Африкан есть ни кто иной, как предатель родины и враг народа, и в разведку с ним идти никто не согласился бы. Африкан Петрович не сильно на врага и предателя обижался, но вот за разведку был особенно расстроен. Это сколько же воплей и все из-за того, что гладить галстук каждый день было что-то очень уж лень?

Вот теперь стоял и вздыхал Африкан Петрович на груду камней, сваленных на месте бывшего памятника. Сколько бы он там вздыхал, то и самому богу неизвестно, но в какой-то момент отвлек его от грустных мыслей кусок от разбитого постамента, что приходился до его разрушения явно на подземную, закопанную часть. Интерес был вызван не просто так. На одной из граней отбитого куска постамента значились совершенно непонятные знаки и цифры. Очень заинтересованный Африкан Петрович потянувшись, достал из груды камней заинтересовавший его кусок и рассмотрел его повнимательней. На ровной потемневшей от земли грани были выбиты, следующие таинственные знаки: «Л.18.п 9». Надо отметить, что Африкан Петрович был не слишком любознательным, но тут его просто пробрало, от внезапно возникшей мысли о том, что цифры эти не что иное, как тайный шифр, которые глупые людишки-кладоискатели искали-искали, да просмотрели. Сокровище, оказалось, не просто зарыто под памятником, а где-то спрятано. В памятнике же, как домисливал, широко шагая домой, Африкан Петрович, спрятан ключ к поиску настоящего сокровища.

К слову сказать, ключ оказался странным и непонятным. До самой ночи наш счастливчик крутил обломок памятника, пытаясь хоть как-то понять с чего же начинать поиски, но все было тщетно. Уже засыпая, Африкан, пихая в бок жену, чтоб подвинулась на, в принципе, широкой кровати, даже лизнул камень. Ничего и тогда не произошло. Разом охладев к куску постамента, он выбросил его куда подальше и уснул. Снилось ему обычная белиберда, но под утро, совершенно не понимая к чему, явилось ему, что стоит он пионером у того самого памятника на коленях, а ему по башке его больной лупит, что есть мочи, своим томиком сочинений сам великий Ленин.

– Батюшки! – среди ночи радостно взбрыкнул ногами, просыпаясь Африкан Петрович. – Да вот же оно! – и пошел плясать по скрипучему полу так рьяно, что спящая, как убитая его несравненная Радия Лаврентьевна, особо яростно и громко всхрапнув, вперила в него свои маслянистые круглые глазенки и минуту, не меньше, пристально его разглядывала, после чего, даже удивленно бросила:

– Ты чевой-т, халера, распрыгалси тута? – и перевернувшись на другой бок, бросила уже засыпая, – Спи, давай, кладоискатель хренов!

Уже засыпая, Африкан Петрович подумал, что завтра все изменится и жена, пусть и не сразу, а признает его интеллект. К слову сказать, интеллекта у него хватало, раз Африкан Петрович додумался до того, что «Л.18. п.9» это не что иное, как восемнадцатый том собранных сочинений Ленина. А вот с «п.9» возникли определенные трудности, так как параграфов в сочинениях этих Африкан не помнил, а Интернет на этот месяц был не оплачен. Пришлось идти в библиотеку. После того, как он озвучил свой запрос, даже старенькая библиотечка, помнившая не то что Сталина, а с самим Кировым еще за руку здоровавшаяся, всерьез усомнилась в нормальности Африкана Петровича. И было с чего, так как последний раз интересовался сочинениями какой-то парторг завода, что обронил в качестве закладки еще при советах в одном из томов десятку и потом лет двадцать назад ее пытался найти. Однако, бабушке было не привыкать ко всяким чудикам, а потому том она принесла, а попутно дала весьма дельный совет о том, что п.9 в сочинениях это, возможно, девятое предисловие к восемнадцатому тому.

Не сильно надеясь, Африкан развернул на предисловии том и оттуда выпала затерявшаяся «парторговская» еще десятка.

– Вот она, миленькая! – радостно всплеснула ручонками бабулька и ухватила за красненькую бумажку. – Сколько ее разыскивал-то парторг, а она вон где! Жалко только, – невесело вздохнула тут же бабушка, – что не деньги это нынче, а так... пшик. Да еще и испорченная.

– Па-азвольте! – выхватил исписанную какими-то полувывцветшими каракулями у нее десятирублевую купюру Африкан Петрович. – Не вы нашли, не вам и сокровище делить!

– Сокровище? – неожиданно мелко рассмеялась бабулька. – Это раньше на нее можно было вдвоем в самом дорогом ресторане Москвы отобедать. А сейчас такое сокровище лишь на растопку пойдет. Да и то сомневаюсь. А впрочем, – нахмурилась бабулька, – забирайте!

Африкан Петрович, не веря своему счастью, схватил том сочинений и бросился к ближайшему читальному столу. Нужно было наконец-то узнать. Что это за девятое предисловие такое. То, что наводка была правильной, подтвердила мятая десятка, на лицевой стороне которой, прямо напротив профиля Ленина было коряво выведено: «Бога нет, а впрочем...» И ниже в самом углу было нацарапано: «батюшка Илларион, отпеваю!»

Для Африкана было и так все ясно, что разгадку искать нужно у протодьякона местного и единственного монастыря отца Иллариона, но он не поленился заглянуть в предисловие к восемнадцатому тому.

«Не может быть, чтоб ничего там не было!» – усиленно размышлял над томом отчего-то вспотевший Африкан Петрович, – «Слишком много совпадений. Просто быть такого не может!»

Тут надо отметить, что сегодня нашему кладоискателю не иначе, как сам черт ворожил. Потому как первое на что упал взгляд в этом самом предисловии звучало так: «...что русский народ „потерял бога“ и задача заключается в том, чтобы „найти“ его».

– Батюшки-светы, – воскликнул, вконец поверивший в свою счастливую звезду Африкан Петрович, – это оно, это оно, братцы!

– А позвольте полюбопытствовать, – неожиданно объявилась сзади кладоискателя старушка-библиотекарша, – чего это вы там кричите?

– Бабуля, я богат! – скакал просто от счастья Африкан Петрович вокруг стола с книгой. – Так богат, что вам и не снилось!

– Вот уж не знала, что отсутствие мозгов, нынче за богатство почитают. – Хмыкнула старушка и отошла.

– И в самом деле! – пробормотал уже Африкан Петрович, – А чего это я распетушился-то? Ишь, богач нашелся! Еще неизвестно, что там, в монастыре, а я тут раскричался на всю Ивановскую.

Быстро сдав книгу обратно старушке, Африкан Петрович уже нигде не задерживаясь, бросился напрямую в монастырь. Такой шанс выпадал явно один на миллион, и упускать его ну никак не хотелось. Потому то, когда отец Илларион увидел вконец измученного и запаренного от быстрого бега кладоискателя, он только и молвил:

– Эка тебя несет нечистая-то! Аж лиловый весь. Отдышись, сын мой!

– Некогда, батюшка! – просипел на исходе сил Африкан Петрович и упал ему в ноги. – Пить дай!

– Вот орясина глупая! – Присмотрелся к Африкану повнимательней протодьякон. – Эй, кто там есть, – оглянулся он на служек, – принесите отроку испить. Да и мне тоже, горло промочить тащите. – уже несколько не так твердо и уверенно добавил Илларион.

Неприменно нужно сделать отвлечение на тему того, что в монастырь Илларион попал не абы как, а по серьезной протекции дальнего родственника, который видя, как спивается родня, надоумил его, подастся в духовенство, где горячительных напитков, вроде как, не бывает. Однако это оказалось не совсем так, ибо закладывал пусть не за галстук, а за панацию теперь отец Илларион и здесь изрядно, что, впрочем, никак на служении Богу не сказывалось. Вот и сейчас, лишь услышав, что кто-то желает промочить горло, решил Илларион, что не пора бы и ему причаститься горячительного напитка, так как воздерживался он уже порядочно, а тут и собутыльник объявился. Монастырская братия народ был не слишком крепкий на предмет выпивки и после того, как поспивалась добрая половина, то решил протодьякон с монахами больше не пить. А тут, наконец-то, Африкан Петрович подвернулся.

– Садись и пей, сын мой! – властным басом молвил отец Илларион разом как-то присмиревшему посетителю. – В ногах правды нет.

– Вопрос есть, батюшка... – хотел было спросить Африкан Петрович.

– После, после спросишь! – категорично молвил отец Илларион, разливая кагор по стаканам. – Все наши метания и вопросы от неопределенности, а чтоб утвердиться в этом мире, нужно испить благословенного напитка. – Благословляю! – Разом мазанул крест-накрест троеперстием по бутылке протодьякон и в полный мах запрокинул весь стакан в глотку. В нутре отца Иллариона что-то зашумело и даже булькнуло, но в принципе, все прошло просто отлично, да так, что тот даже не поморщился.

– Талант! – кивнул сам себе Африкан Петрович и присоединился к святому отцу. Через полтора часа они уже сидели в обнимку, рассуждая о сущности бытия во вселенной. И было уже Африкану Петровичу не до сокровищ, так как обсуждались такие широкие материи, что только держись, но отец Илларион сам вернул все на круги своя, задав неожиданно среди рассуждения о инопланетянах и Боге, вопрос:

– А ты чего это ко мне пришел-то?

– А-а-а, – сфокусировал не слишком осмысленный взгляд кладоискатель на протодьяконе, – клад ишу!

– Клад? – пожевал губами отец Илларион и бросил, – А зачем тебе клад?

– Ты что? – разом возмутился будущий миллионер. – Богатство – не волк, и... – Африкан Петрович явно теряя мысль, гениально закончил, – и это самое!

– Ну, коли так, – важно посмотрел на него сверху вниз протодьякон и, оглянувшись по сторонам, продолжил, – то слушай сюда, орясина. Когда еще этот монастырь строили в 16 веке, то набрали зодчих разных со всех концов света. Чего уж греха таить, решило церковное начальство сэкономить на строителях, да и набрало таких темных личностей, что только держись. Были там и русские, и немцы, и татары, а среди прочих и персы затесались. Так вот те, дабы крепость стен была вечной, замешали-то раствор с глиной на кирпичи которая, не просто на воде, а на крови людской. И наговор положили, что когда время придет, встанут все те, кто кровь дал из могил и мзду возьмут за страдания свои. А мзда та не просто смерть, а золото, что спрятали строители под фундаментом монастыря.

– И ты мне так все и отдашь? – изумился такому рассказу Африкан Петрович.

– А на что мне это все? – резонно заметил протодьякон. – Все, что нужно, мне бог дал, о ином и не мечтаю. А тебе-то нужней будет.

– Это верно! – разом уверовал в бескорыстие святого отца кладоискатель и тут же перешел к делу. – А копать где?

– Да пошли, покажу, – мутновато поглядел на него отец Илларион и, взяв за шкуру счастливого кладоискателя, поволок его во двор. Там тоже не стал тянуть кота за хвост, а всучив лопату, указал, где и как, собственно рыть. – Все что ни отроешь, твое будет! – На прощание посулил ему отец Илларион, уходя.

– Отец Илларион, – подскочил уже у самых дверей монастыря к протодьякону один из монашков, – вы зачем там человека копать заставили? Там же канализация наша!

– Знаю, отрок! – важно молвил протодьякон. – Все знаю. Да только забила она. Вот пусть человеке этот и посмотрит что там к чему.

Африкан Петрович, не зная еще своего счастья, копал все глубже и глубже. Сил ему прибавляла надпись на одном из камней фундамента, на которой было полу выцветшей краской намалевано: «Л.18. п.1—9.».

– Это оно! – радостно восклицал Африкан Петрович, зарываясь уже по пояс и в предвкушении несметных богатств, особенно сильно замахнувшись, воткнул лопату немного вбок, пытаясь подровнять яму, авось чего не заметил. Тут же что-то затрещав, отвалилось с комьями земли и ударилось о ногу кладоискателя. И свет померк. Ушел и звук, оставив лишь звенящую пустоту. Мир вокруг как то разом преобразился из объемного в линейно-плоский и пугающе пустой. «Вот это поворот!» – протянул удивленно Африкан Петрович и призадумался, – А что, собственно, произошло?». Ответом было молчание. Хорошо хоть свет начал пусть и не сразу, но возвращаться. С необъятного черного неба посыпались искры, что смыли полосу черноту, оставив лишь полумрак и стену монастыря, около которой наш кладоискатель и лежал. Что-то разом расхотелось ему искать клады, да и обстановка неизвестности, надо признать, настораживала, а потому припустил Африкан Петрович куда подальше от монастыря, наплевав на богатство и славу, а заодно и на жену, которую хотелось удивить. Вот только чем больше бежал, тем больше становилось непонятного. Людей, как это ни странно, для субботнего вечера, не было. Улицы были пустыми. Не было ни машин, ни животных, не было и самого смога промышленного города, к которому с пеленок еще привык Африкан Петрович. Был только ветер и глухие, пустынные улицы с безликими, казавшимися непохожими домами. Самое неприятное, что ветер усиливался. Если в начале он бул лишь легким дуновением, то сейчас, явно набирая обороты, он переходил в сильные порывы. «Надо бежать домой! – решил наконец-то Африкан Петрович. – На улице торчать не стоит. Особенно, если дождь собира-

ется». И он побежал, но странное дело, чем больше он бежал, тем ближе он становился к монастырю, который как назло маячил все так же за спиной. «Что за черт!? – воскликнул изумленно кладоискатель, в пятый раз, сворачивая на другую улицу и неизменно попадая к выходу из монастыря. – Я попаду домой или нет?»

Но домой он не попал ни сейчас, ни через десять минут, ни через час. А ветер все усиливался. Мимо проносились уже какие-то доски, обрывки проводов и горы мусора, что поднималось вверх, в небо шквальным, пронизывающим ветром. Ничего не оставалось делать, как прятаться в монастыре. А куда же еще? Вот только ждал там Африкана Петровича очень неожиданный сюрприз. Прямо на его глазах, покачнувшись кресты сразу у нескольких монастырских склепов и встали из древних могил давно усопшие старцы.

– Душно мне! – страшно закричал самый страшный скелет с кривыми клыками вместо зубов. – Пусти меня!

– Освободи души наши, странник! – Вопили, размахивая страшными когтями, другие восставшие и шагали за Африканом Петровичем.

– Не бросай нас! – Кричали совсем уж мерзкие, по-видимому, недавно усопшие, монахи, что еще не освободились от плоти, и ползли за пятившимся к дверям кладоискателем, хватая его за штаны.

– Боже, – взмолился, изнемогая от нахлынувшего страха Африкан Петрович, – не дай сгинуть так!

И тут дверь позади него открылась, и он ввалился в помещение звонницы. На стуле, прямо по центру, сидел отец Илларион, вот только всякий знающий протодьякона вряд ли узнал теперь его. На отце Илларионе были одеты нестерпимо сияющие одежды, все покрытые косыми крестами с тремя кругами меж верхних концов. А вот лицо было, как будто, не его. Изможденное, покрытое лиловыми пятнами блеклое ничем не выразительное лицо мертвеца. Лишь глаза еще были живыми, серыми бусинами пялились теперь они на вошедшего.

– Что происходит? – сходу заорал Африкан Петрович на протодьякона. – Ты чего мне там подмешал, пень старый, в кагор?

– Не о том печалишься, сын мой... – тяжело вздохнул отец Илларион и поднял руку.

– Матерь божья! – шарахнулся к двери обратно Африкан Петрович. Да и было с чего пугаться. Вместо кисти была клешня.

– Ну, чего задергался-то? – как ни в чем не бывало, поинтересовался святой отец. – Не того боишься, отрок.

– Да куда уж страшнее-то! – усомнился таким словам Африкан Петрович. – Это где это видано, чтоб поп и с клешнями? Эдак и хвосту чертовскому у вас не удивисься.

– Ты отрок не о том думаешь! – ухмыльнулся, но все так же блекло отец Илларион. – Тебя не руки мои должны интересовать, а место где ты находишься.

– А что с ним не так? – пожал плечами Африкан Петрович. – Монастырь, как монастырь. Только после кагора уйти из него не могу чего-то. Ноги несут обратно.

– А и не уйдешь! – неожиданно выдал святой отец. – Потому как кромешник ты. А кромешникам исход один – небытие.

– То есть как так? – ничего не понял бедный кладоискатель. – Это как это не уйду никуда. И... кто я?

– Кромешник, – все так же спокойно заявил святой отец, – человек чья душа ни попала, ни в рай, ни в ад.

– То есть помер я, что ли? – дошло, наконец-то, до Африкана Петровича.

– Помер-то, помер, да не совсем. Тело твоё живет, а вот душа уже здесь. Потому и кромешник, что душу пока забрать не могут. Самое поганое, что, таких как ты много и богу не нравится, когда размеренный порядок ломается, вот и придумал он кидать вас в Срединный мир.

– Куда? – вытаращился на него совсем обомлевший от услышанного Африкан Петрович.

– А черт его знает куда! – иронично пояснил отец Илларион. – У славян звали это место Пеклом, у скандинавов Муспульхеймом, у ацтеков Тринадцатым небом. Все народы нашли название этому месту. Я же назвал это небытием.

– Почему?

– Видимо потому, что мы торчим теперь между будущим и прошлым, между адом и раем, между миром богов и миром живых. Мы не нужны ни одному из этих миров. Они нас боятся. А знаешь, что происходит с тем, чего боятся? – отец Илларион криво усмехнулся. – Его уничтожают, – и тут же бросил, ткнув клешней в сторону потемневшего резко окна. – Посмотри, что там творится! Это ли не небытие?

За окном творилось страшное. Огромная толпа восставших мертвецов лезла друг на друга, образуя высокую гору в попытке дотянуться до разом опустившегося близкого неба. Они рвали в куски друг друга, пытаясь вырваться из объятий таких же монстров, как и они лишь бы подняться повыше. Но на самый верх, к небу, вылезти не получалось, так как на земле бушевал уже настоящий ураган.

– Что они делают? – оторвался кое-как от ужасной картины Африкан Петрович и поежился.

– Пытаются спастись... – пожал плечами святой отец. – Они хоть и мертвы, но восстали, ибо время их пришло и сегодня этот мир, как сотни и миллионы раз до этого будет очищен.

– То есть, как это... очищен?

– Очень просто. Все то, что случайно попадает в Срединный мир, через десять лет всегда стирается. Можешь это как угодно называть, но через полчаса всего этого, что ты видишь вокруг, не будет. Как, собственно, не будет и тебя.

В подтверждение его слов за стенами звонницы разверзся, кажется, настоящий ад. Ураган посрывал крыши с домов и теперь расшатывал и ломал их стены, превращая все окружающее в труху, что поднимаясь кверху порывами ветров, образовывала громадную воронку.

– Но я не хочу так... – промямлил Африкан Петрович. – Я не думал, что все будет так. Нам же долбили в головы, что после смерти ты попадешь пусть и не в рай, но в аду хотя бы БУДЕШЬ! А теперь что, получается, меня не станет? Как? Совсем?

– Уже поздно что-то решать! – усмехнулся отец Илларион, глядя на то, как ураган вскрыл звонницу, как карточный домик и, сорвав стены с фундамента, зашвырнул ее высоко в небо, где она тут же разлетелась в куски. – Конец близок, отрок! – уставился на ставшее внезапно багровым небо святой отец. – Прими все, как должное.

– Нет! – заорал побелевший от ужаса Африкан Петрович и бросился к горе мертвецов, что пытались спастись. – Нет, я не они. Я спасусь, – кричал он и полз, оскальзываясь все выше и выше по шевелящейся массе восставших мертвецов, страшась только одного – падения вниз. Он знал, что тогда он уже не встанет. Новые мертвецы уже по нему ползут вверх, спасая свою душу. А потому он очень старался и когда он дополз и ощутил, что выше уже ничего и никого нет, он поднял глаза. Прямо над ним, на расстоянии вытянутой руки была кирпичная стена.

– Что? Стена? – даже не удивился он, а просто констатировал факт. Осталось только протянуть руку и спастись. Но спастись было, кажется, некуда.

Вместо эпилога

– Отец Илларион! – громко вопя, прибежал в келью к протодьякону молодой монах. – Беда!

– Что случилось? – яростно зевая и боля головой, уперся тяжелым взглядом святой отец в монаха.

– Человек в канализации пропал!

– Как пропал? – не понял, даже, святой отец. – Утонул что ли?

– Нет, пропал. Он даже не докопал до нее.

Когда они прибежали на место, там уже стояла вся братия и смотрела на обуглившуюся яму, в которой остались лишь ботинки пропавшего Африкана Петровича. Отец Илларион мельком взглянул на кабель, что был перерублен лопатой, который свисал с краю ямы, оплавившись в лепешку, но не он же стал причиной? Протодьякон посчитал за лучшее закопать тут же яму, а монахам строго-настроено посоветовал забыть о случившемся. И они забыли. Забыл все и Африкан Петрович. Он все так же терпеть не мог читать дурные толстые книжки, но любил ковыряться в пыльных шкафах. Только на краю города временами в квартире, где вдовствовала Радия Лаврентьевна сами по себе падали книги и открывались сами все шкафы. А так все осталось по-старому.

29.06.2016 г.

Космограф

(Дмитрию Колесникову, посвящается...)

«Я, Федор Карачаров, последний выживший из блокпоста №18. Еще месяц назад нас было пять и была идея спасения. Теперь ее нет. Как нет этих пяти человек попавших под луч космографа. Никола Тесла ошибся. Электрические разряды переменной частоты изменяют не пространство... Хотя нет, не так...» – На этом от старой пожелтевшей газеты, датированной маем 2025 года оторвался невысокий, но плотно сбитый, заросший грязно-серыми волосами, свалывшимися в сальные ужасные колтуны мужчина с молодым, но землистого цвета лицом человека, которому можно дать как восемнадцать, так и все пятьдесят лет. Одет он был в мышинового цвета армейское обмундирование, помнившее, судя по фасону, как бы еще не развеселые времена начала 90-х годов, когда, в ожидании неминуемого краха с армейских складов налево пошло залежавшиеся, пропахшие гнилью и плесенью, сыпавшееся мышинным пометом такое обмундирование, под которое еще, наверное, род войск даже не придумали. Однако этого парня (будем его звать все же так, за неимением возможности знать возраст), видимо, меньше всего беспокоил вопрос по своей не слишком-то презентабельной внешности, так как занят он был, судя, по обильному поту, что прошиб его насквозь, очень даже нешуточным делом. Старательно слюнявя химический карандаш, парень, бормоча что-то себе под нос, выводил корявые, но твердые буквы промеж полу выцветших строк никому уже не нужных колонок о последних сообщений с фронтов Второй Гражданской войны.

Покрутив в сомнении огрызком карандаша, парень, смачно сплюнув, зашвырнул его куда-то в угол и полез спать на койку. Благо их после последнего нападения Мародеров стало пруд – пруди, по той простой причине, что их владельцы отправились не к праотцам, как следовало бы ожидать после насильственной смерти, а в пищеварительную систему этих самых уродов из клана Вилли Мардера, переименованных не слишком-то разбирающихся в словесных оборотах смешанными частями Юго-восточной директории в «мародеров». Вообще кланов после Второй Гражданской хватало. Все те, кто выжили после последней бойни у Припяти и Астаны, разбрелись кто куда, напрочь позабыв о причинах и условиях той сногшибательной несуразности под названием Гражданская. Сам Федор застал по своему малолетству только самый конец этой войны, но и его здорово изволохало в штурме Иркутска, а при отступлении из Будапешта, добросердечные американцы так здорово нашпиговали ему ногу шрапнелью, что оставалось только удивляться, как он еще не остался без одной из своих конечностей. Дурак был. Лез на рожон, никого не слушая. Погерйоствовать по молодости, видите ли, надумал. Да и что там говорить, было то ему тогда всего 17 лет! Пацан совсем. В былые времена еще в школе бы доучивался, а он уже воевал и отличался. И восемнадцать он уже младший лейтенант. А в девятнадцать – капитан и кавалер девяти наград, половина из которых иностранные, раздаваемых в последний год войны всем кому ни попадя в таких объемах, что вся ценность и престижность этих наград улетучилась на нет, превратив их в некое подобие детских значков, которыми обвешивались иные идиоты. Тем не менее, Федор считал себя счастливым. Выжить в войне, да еще, такой как Гражданская, и выбраться относительно целым домой – большое дело, которое многим миллионам его соотечественникам и союзникам оказалось не под силу. Вторая Гражданская... Вторая именно потому, что была первая. Все с этой самой первой и началось. Это произошло в 2017 году. Началось все с того, что в Северной Корее, доживавшей на тот момент последние деньки – американцы додали-таки Ким Чен Ына на подписание манифеста о вхождении Северной Кореи в состав Южной, правда с сохранением кое-какой автономии, группа корейских военных, плюнув на все, разбив вдребезги охранный полк «морских котиков», пробилась в штаб ракетных войск и обрушила на Соеди-

ненные Штаты весь свой запас ядерного оружия, которого на тот момент было не ахти как много, компания по разоружению «великого корейского кормчего» дала-таки свои последствия, но достаточного, чтоб более половины штатов в течении часа превратились в месиво бушующего огня и песчаного смерча, в который превратилось все живое и неживое, что попало под разнос корейских ракет. Пока страны были в оцепенении от произошедшего, пока разом размякшие мозги правителей всех государств, стран, республик, владений, пытались что-то понять, мир накрыл слой пепла доходящего в иных местах до пояса. Солнца не было ровно год. Но на него никто и не обращал уже внимания. Американцы не остались в долгу и раскатали ракетами под шумок не только Корею, но и половину Китая, сильно уж зарвавшегося и пробившегося в последние годы в самые влиятельные страны мира. Тут-то все и началось. За Китай выступили русские, за американцев все ООН, вскорости распавшееся на отдельные блоки, что перешли в противоборствующие стороны. В общем – вскоре весь мир воевал. Навоевали так не слабо, что к моменту, когда у противоборствующих сторон не осталось уже не сил ни, собственно, ни средств для продолжения войны, на земле из семимиллиардного населения осталось только три. Самое удивительное, что люди не задумались над тем, сколько погибло их собратьев. Куда там?! Все принялись, чуть ли не с остервенением подсчитывать итоги этой дурацкой войны, хвастая напропалую друг перед другом своими трофеями. Народ разом как то потерял человеческое лицо, став бездушной машиной, спекулирующей на всем чем только можно. Президенты, из тех, что выжили, и хоть как то уцелели, пускали в международные телеэфирные трансляции с колоннами военнопленных, горами разнообразнейшего барахла, среди которого высились груды знамен давным-давно истлевших безвестных полков. И все восторжались, напрочь забыв, что где то еще горят города, взрываются, рушатся дома и заводы, все еще умирают люди. Та война была странной и безжалостной. И бесполезной. Самой бесполезной из всех, что человечество до этого вела. Ни одна из стран не приобрела себе ничего существенного более того, чем она потеряла. Так что всеобщее веселье было не очень-то искренним. За исключением лишь, наверное, России. Так уж получилось, что ядерные заряды прошли, слава богу, мимо нее и большинство россиян избежало ядерных последствий. Мало того! Сбылась мечта идиотов. На одном только гоноре и амбициях, три русских корпуса, спешно десантированные через Тихий океан, штурмом взяли Вашингтон, и безвестный пехотный лейтенант Михаил Александрович Карачаров водрузил одним из первых знамя победы на Белом Доме. Отец Федора сразу стал национальным героем и идиолом государства, на которого молились, как господу Богу, напрочь забывая, что тот был простым пехотным лейтенантом и богом от него и не пахло. Единственное, что помнил о нем Федор, так это воскресные порки ремнем, во имя божественного, видимо, откровения и далеко не божественные загулы, устраиваемые покойным уже батенькой по каждой годовщине войны, справляемой, как ни странно, ежемесячно...

Выпячивая штурм Вашингтона и победу, собственно, над Америкой, Россия, напрочь старалась забыть первый год Континентальной, а именно так звали Гражданскую, до 2025 года. А забывать там было чего. Казахи осадили, а потом взяли Барнаул и Омск, а японцы оккупировали весь Сахалин, перебив подчистую все население этого пограничного острова. Наши доблестные дивизии были расколошмачены в пух и прах еще на подходе к границам, а Третий экспедиционный корпус – одно из элитнейших воинских подразделений той России, состоящее исключительно из частей СПЕЦНАЗа, неожиданно неслабо так получили по шее от Грузии под Пятигорском. На фоне этого уж совсем бредово выглядела авантюра старого политика Кириновского, бывшего либерала, а ныне верного поборника военной диктатуры, что беря общественное мнение и несколько обескураженные в свете последних событий народные массы, решив тряхнуть стариной, собрал из разрозненных приграничных частей, отрядов полиции и народного ополчения Первый, как он его называл, экспедиционный корпус, хотя часть с таким названием уже была в российской армии, и с этим сбродом смог добиться кое-каких успехов в мелких стычках на границе с Украиной, после чего к нему стали стекаться

массами все кому не лень. К моменту, когда этот его корпус достиг численности семи тысяч человек, в голове стареющего горе-полковника, что сам себя произвел, к слову сказать, в генералы, родилась идея штурма Берлина. Зачем нужен был именно Берлин – не ясно. Но корпус двинулся навстречу славе. На марше же корпус и разнесли в клочья польские гвардейцы, что неожиданно объявив войну, двумя эскадрильями окончили земной путь всего экспедиционного корпуса. Такая была первая война. Вторая возникла на развалинах Китая. Монголы видя полную деградацию Китая, как государства, после того как юго-восточные территории испытали на себе попадание четырех сверхтяжелых ядерных ракет, пришли и безо всяких оккупировали Пекин и все северные области. Китайцы хоть и сломленные физически, такого нахальства не стерпели и начали партизанское движение. Потом подтянулись еще страны, так и не отошедшие от угара мировой войны, и все завертелось по-новому. Кого не успели добить в первой, доломали, убили во второй войне. Так и отец Федора пропал где-то в бою, пополнив собой многомиллионные списки безвестных потерь этой войны. К концу второй бойни от прежних государств Земли остались одни развалины, а сами граждане этих стран утратили всякую государственность и социальность, разбившись на отдельные конгломерации по каким-то только им понятным признакам. Человечество деградировало. Наступил новый бронзовый век. Все очень упростилось, дойдя до условий первобытно-общинного строя, но легче от этого не стало. Появились очень большие проблемы с продовольствием. Кое-где вспыхнул жесточайший голод. По лесам и болотам разбрелись жалкие остатки былых представителей городской элиты, деградировав настолько, что возродились самые низменные черты первобытности. Так люди стали каннибалами. Не все. Но стали. Человечина понравилась многим. Эти кланы были самые страшные. Бывало, что эти банды совершали набеги на развалины городов и добивали последних уцелевших, что там ютились. Вскоре от городских жителей по всему миру ничего не осталось, а города стали прибежищем каннибалов. Одна из самых больших и сильных банд, что объединила в себе со временем множество более мелких, которая переросла вскоре в клан, подчиненный жесткой воле и силе бывшего капрала иностранного легиона, а ныне «бессмертного воплощения бога Ура» вождя Вилли Мардера. Полоумного капрала уже давным-давно не было в живых, но его дело, его клан продолжал жить и набирать силу. «Мародеры» – этим именем пугали матери своих детей, а дети подрастая, сбивались в свои кланы, ничуть не уступающие по свирепости и жестокости этим самым Мародерам. Дошло до того, что отдельные личности возомнили себя богами, и обложили какими-то налогами или даяниями разрозненные и жалкие кучки уцелевших после войн людей. Кое-где, стали поклоняться коровам, а кто и автомобильному колесу отбивал изрядные поклоны, напрочь потеряв всякое человеческое обличье. Конечно, не все опустили. Кто-то еще старался поддерживать человеческое состояние. Были вполне нормальные люди, желавшие возродить утраченную цивилизацию. К таким людям относился и клан «Сириуса» куда входил и Федор до последнего момента. Клан был небольшой, всего тридцать человек, но боевой до невозможности. Все ветераны последней войны, за исключением их командира, самого старого война – Петра Самолюка, кавалера ордена Мужества еще за подвиг в одну из Чеченских войн. Петр был непрекаемым авторитетом в этом клане. Когда в прошлом году Федор случайно попал в засаду в супермаркете у развалин какого-то городка близ Екатеринбурга, именно ребята из «Сириуса» идя на огромный риск, пожертвовав шестью своими бойцами, отбил его из рук почти взявших Федора «Афганцев», отличившихся особым шиком в поджаривании людей в автомобильных крышках живьем. Именно тогда он понял, что нашел то, что так давно искал – свою семью. И когда встал вопрос о выкупе попавшего в руки каким-то там «Гадюкам» в плен одного из их братьев, за которого затребовали в обязательном порядке серебро, Федор, не задумываясь, выложил самое ценное что у него тогда было – два Георгиевских креста, два свидетельства его геройств еще оставшихся и не проданных за послевоенное время. Первый и последний раз Федор видел, как плачет их вождь. Самолюк понимал, что кресты достались ой как нелегко

Федору, но он не мог отказаться от этой единственной надежды спасти собрата. Будь у него что, и он бы отдал, но последнюю свою награду – звезду героя он сменял еще пять лет назад на две банки консервов и бутылку йода, ничуть не сомневаясь в справедливости такого бартера. Так Федор лишился наград, зато спас своего товарища, который, кажется, три дня назад сам спас своего спасителя, накрыв собой брошенную Мародерами гранату. Такой вот поворот судьбы. Как вообще нашли это убежище «Сириуса» Мародеры, так и осталось неизвестно. Все кто мог бы прояснить эту ситуацию, мертвы. Как с нашей, так и с той стороны. Остался один лишь он, двадцати двух летний капитан 346 Стрелкового полка, последний и теперь единственный боец клана «Сириус». Мародеры не оставят в покое это убежище. Рано или поздно новая банда придет сюда, чтоб взять неприступный блокпост, почти полгода державший оборону в этом забытом богом месте, но брать уже будет нечего. Он умрет. Припасов тут ровно на два дня. Все, что было – уже съедено и выпито. На этом вроде бы и следует поставить точку. Но так не охота ее ставить.

Размышления парня прервал какой-то шум снаружи. Кажется, шли Мародеры. Ну что же, вот он, видимо и конец. Парень вытащил из под койки ящик с гранатами, пошарив в нем, нащупал последние две, вздохнув, прихватил пулемет и двинулся на выход. Помирать так хоть не с поднятыми руками. Внезапно раздался страшный грохот и кажется сама земля пришла в движение. Страшно скрежетнув, обвалился, чуть не задавив насмерть Федора участок потолочного свода. В пролом хлынул яркий, остро режущий по глазам дневной свет. Следом за ним в убежище спустились, почти невесомо вращаясь на тросах трое Мародеров. – Прощай, Родина! – иронично мелькнуло в голове Федора, и он вскинул пулемет, намереваясь навечно успокоить обнаглевших врагов, предпринявших обходной и весьма хитрый маневр. Но выстрелить он не успел. Кто-то сзади выстрелил сам в него и... свет померк.

Из субботних газет – «Московский Комсомолец» экстренный выпуск: «Сегодня, в 10 часов утра, спасателями наконец-то был извлечен на свет божий последний из ветеранов Великой Отечественной Войны, что добровольно ушли под землю пятьдесят пять лет назад во время отступления 175 стрелковой дивизии с позиций под Киевом. Одна из частей сводного отряда генерала Ф.Н.Матыкина в составе двух неполных мотострелковых рот, ушли под землю от преследующих их немцев, засев в большом подземном бункере со складом, где они, как считалось до недавнего времени все и погибли. Лишь стараниями кладоискателей, что попытались месяц назад проникнуть в наполовину затопленный бункер, было установлено, что под основными укреплениями, имеется еще один, гораздо больший ярус бетонированного укрепления, сокрытый от всех бронированной дверью, простиравшийся по самым скромным подсчетам, согласно показаниям гигрографа на белее чем пятисотметровое расстояние. После того как кладоискатели проникли на нижний ярус, открылся просто фантастический, практически нереальный факт сохранения нескольких ветеранов из сводного отряда генерала Матыкина в живых. Эти престарелые герои предпочли заточение, позорному плену и ушли навсегда... добровольно обрекая себя на медленную смерть в убежище. Из-за специфики проживания, отсутствия света и нормального общения, выжившие напрочь утратили всякое человеческое обличье, превратившись с годами, в каких-то фанатиков чуть ли не второго пришествия. Данная „секта“ упорно отказывалась контактировать с внешним миром и целых 55 лет, после того как случайно проникла в армейский бригадный склад, отказывалась подняться на поверхность, полностью отвергая реалистичность окружающего мира, выдумав себе совершенно иную, той, что была, историю. Ко всему вышесказанному добавим, что последний выживший, кажется, был не в себе из-за давней контузии в голову и... умер...»

Из воскресных газет – «Русский Инвалид» 26 августа 1915 года: «Сегодня пришел, наконец-то в себя, тяжело контуженный герой обороны Осовца капитан 226 Землянского пехотного полка Ф. Карачаров, получивший тяжелое ранение в беспримерном бою 24 июля сего года, когда сей доблестный капитан, прорвавшись со вторым батальоном своего полка сквозь

окутавшие наши позиции немецкие газы, наголову разбил германскую бригаду ландвера, взяв в плен около полутысячи вражеских солдат при пяти офицерах, при чем геройский капитан был жесточайше контужен случайным снарядом. Сильно пораженный таким геройским делом Государь Император всемиловитейшее постановил наградить мужественного капитана орденом Св. Георгия 4-й (посмертно). Надеемся, данное недоразумение будет исправлено».

Он открыл глаза и понял, что легко умереть ему «Мародеры» не дадут. Жаль. Лучше было умереть, чем встретиться со всеми «прелестями» знакомства с каннибалами. Сбоку неожиданно раздалось осторожное покашливание. Скосив глаза, Федор увидел слева от себя худого, по виду очень больного человека с запавшими красными от бессонницы глазами, одетого отчего-то в серо-белый врачебный халат. Доктор что-ли?

– Очнули-с? – подошел к нему белохалатный. – И как вы себя чувствуете, ваше высокоблагородие?

– Кто-кто? – опешил, чуть не вскочив с койки, на которой как он уже успел заметить и лежал, Федор и вылупился на этого доктора. – Какое еще... благородие?

– Обыкновенное. – доктор выдал снисходительную улыбку, похожую больше на болевой спазм лицевого нерва – Вы же, господин капитан, особа восьмого класса и мне с моим кандидатством на классный чин при вас, собственно, и присесть не положено.

– Что за бред?! – удивленно заозирался вокруг Федор – Какой еще класс, какое благородие в 21 веке? И где, черт бы их побрал, «Мародеры»? – Федор, вскочив с кровати, неожиданно уперся взглядом в стоящую рядом кровать с лежащим на ней перебинтованным везде, где только можно как мумия человеком, что пристально вглядывался в него единственным блестящим на лице меж бинтов глазом.

– Еще один... – как бы сожалеющее протянул доктор и неожиданно ткнул пальцем в точку на шее Федора. Тому сразу захотелось спать. И он упал обратно в кровать. А доктор... А доктор что-то подумав, уже уходя, бросил засыпающему Федору – Ваш сосед, к слову сказать, тоже кричал в бреду о странных вещах, но это ничего. Контузия это вам не мамка по голове погладила. Все наладится! – и дверь за доктором закрылась.

– Ну, – раздался глухой, хриплый голос с соседней койки – здорово, перерожденец! – Федор, уже проваливаясь в сон, услышал – Честь имею, капитан лейб-гвардии Измайловского полка Алеханов Константин Захарович, участник русско-японской и поклонник Виктора Цоя. Ну как, «Звери» альбом новый не выпустили?

Вместо эпилога

Экспресс-номер «Дэйли телеграф». Июнь 1943 года, выпуск №2190: «Неужто победа? Сегодня в 8 часов утра совершив беспримерный рейд по тылам вражеских войск, пробив брешь в обороне гитлеровских частей, вышел на подступы к Берлину легендарный третий корпус генерала Туркула. Части красной армии, застрявшие в боине под Варшавой, получили прямой приказ верховного командования о прекращении наступления с отводом всех наступающих частей на исходные позиции. Сам «красный генсек» Сталин, нарушив договоренность, вывел на границу с ДВР три резервные танковые дивизии с ультиматумом об отводе корпуса славного генерала Туркула. Телеграмма Президента Дальневосточной директории маршала А.П.Кутепова о немедленном отступлении до героя Польской войны генерала Туркула дойти не успела. Одна из бригад этого корпуса, ведомая бригадным генералом Федором Карачаровым штурмом успела уже овладеть рейхстагом и водрузила знамя Победы. Президент директории, не успев отправить свой приказ об отступлении, получил в ответ Акт о капитуляции Германии. Как стало известно из проверенных источников, бригадир Карачаров был прямо на поле боя произведен в генерал-майоры и награжден Золотым Георгиевским оружием с бриллиантами. Руководство СССР объявило войну Директории.

Из посмертных записок маршала М.Н.Тухачевского: «Вчера лежал в одной палате с геройским Карачаровым. Старик совсем выжил из ума. Как-никак две контузии! Все твердил про какую-то ошибку Теслы, мол, космограф (и что это еще за штука?!!) связывает не пространство, а искривляет временные пласты... Полный бред. Да, собственно, кто бы и не забредил после того, как воочию не увидел бы бомбардировку Нагасаки американцами? Бедный вояка так и не смог оправиться. Отдал богу то, что могло бы еще послужить отчеству – свою беспримерную душу».

12.05.2015 г.

Исповедь

В понедельник 1796 года у себя в старом-престаром поместье под Владимиром помирал отставной секунд-майор Семеновского полка Илья Степанович Карачаров. Ну, помирал и помирал, скажете вы. Чего уж тут такого особенного? Ан, нет, скажу я вам! Случай-то неординарный и требующий просто острого и всеобщего внимания. Это, если бы помер давний его знакомец по службе, такой же старый хрыч Фофанов Георгий Иванович, то особо бы никто не заинтересовался. Чего же там интересного, если брать с него было нечего, кроме старого мундирного сюртука, да медали за Кунерсдорфную баталию? С Карачарова же и спрос был больше, да и родни понаехало столько, что старый флигель, подслеповато смотрящий маленькими мутными оконцами в густой лес, напившийся на родовое поместье, начинал подозрительно трещать по углам от прибывшего народа. Кого там только не было! И родной сын, безалаберный балбес и вертопрах Михаил Ильич, сам уже сорокалетний ветеран Прусских походов, и Марья Ивановна, побочная сестра умирающего, и Федот Федотыч, не понять кто и как кому приходящийся. Еще три тетки двоюродной сестры внучатого племянника понаехали тут, и даже поп из притча близлежащей церквушки и тот, под предлогом отпевания присоседился тут, хотя вызывали из самого города батюшку, который должен был прибыть с минуты на минуту. В общем, народу привалило, просто страсть! А ведь мы еще не всех и озвучили, да, к месту будет замечено, что всех и за день не озвучить, ибо народ у нас ушлый повелся на дармовщинку, а потому кареты, коляски, тарантайки, да видавшие виды экипажи, времен как бы еще не Царя Гороха, прибывали и пребывали к парадной, отчего лица уже присутствующих начали принимать несколько недоуменный характер. Дело уже близилось к вечеру, а поверенный в делах все не прибывал, и к ложу умирающего вызвали того самого хитроглазого попа в лоснящийся какой-то рясе с медным и, почему-то, гнутым крестом на груди. Поп не заставил себя долго ждать и прилетел чуть ли не бегом к хозяину поместья, с которым его связывали давние приятельские отношения. Не один бочонок наливки они распробовали в длинных беседах, а теперь, вечно неунывающий дворянин, офицер гвардии пусть и в отставке, помирал и помирал, судя по его виду сильно серьезно, так как лицо сильно осунулось и посерело, обозначив сильно ввалившийся рот из которого слышались непонятный скрипы и всхлипы, и разом как-то утратившие синеву глаза.

– Вот, – тяжело выдавил из себя Карачаров, – умираю, кажется... Ты уж причасти меня...

– Да брось, батюшка! – замахал резво на него попик руками и даже погрозил кулаком – Куда ты собрался-то? А уговор? – тут стоит отметить, что меж попом и нашим помещиком не далее, как лет пятнадцать назад при весьма интересных обстоятельствах был дан уговор дожить до ста лет, чтоб посмотреть, чего там, в новом-то тысячелетии интересного будет. Попу зарекаться было явно сподручней, ибо был он моложе и на тот свет особо не торопился, так как сильно-то не веровал в благоприятный исход, а Илье Степановичу хотелось просто узнать, что там с Турцией-то, возьмем мы Константинополь, или повременим малость. Вот теперь и вздумал попик надавить на болезную тему, но секунд-майора этот уговор уже не тяготил.

– Тут не до уговоров. Облегчить душу надо... Нагрешил-то я сильно. Да и есть кое-что... что высказать надо. Нельзя с этим на тот свет идти...

– Это ты-то грешник, что ли, Илья Степанович? – округлил в изумлении маслянистые беспокойные глазки поп – Да ты бога-то побойся!

– Молчи... – вяло мазнул рукой перед лицом умирающий и к чему-то прислушался... – Не до тебя сейчас. Пока за мной не пришли, хочу рассказать тебя кое-чего... – поп, недоуменно уставившийся на умирающего при слове «пришли», подобрался тут же поближе и присел на табурет у изголовья кровати.

– Ты же знаешь, где я служил? – для начала поинтересовался Илья Степанович у приятеля.

– Да кто же не знает-то? – еще более удивился поп. – Вестимо где – в лейб-гвардии Семеновском полку.

– Ну, так вот... – скривился почти безгубым ртом умирающий – По гвардии я в отставку вышел, по заслугам, а вот служить-то мне довелось по горному ведомству.

– Да как же так? – развел руками поп и тут же заозирался. – А за какие же заслуги в гвардии майоры-то жалуют?

– Знамо за какие... – странно как-то поглядел умирающий на попа, – за тяжкие... Я, как ты знаешь в службу вышел еще при Петре-батюшке. Лично его видывал. От него же и чин капрала и пару фонарей под глаз успел получить. Большущего ума человек был. Большущего... Но изверг, каких свет не видывал.

– Ты что говоришь-то такое, а? – яростно закрестился тут же поп, вскочив с табурета, – Ты чего это нашего императора позорить-то взялся?

– Моя брань, сейчас ему, как мертвому припарка, без надобности! – неожиданно рассмеялся умирающий. – Да только из истории императора-то нашего не выкинешь. И не нам судить его, ибо черти на том свете для него углей, поди, не пожалели. Но не об этом я хотел сказать... Малой я еще при Петре-то Лександрыче был, сопляк совсем, что я там мог видеть, если по всяким дальним крепостям ошивался, да батареи ставил. Но вот при Анне Иоановне хватил я, пожалуй, через край. Был у нас в гарнизоне крепости «Благодатной», что под Азовом строилась проездом фельдмаршал не фельдмаршал, генерал не генерал, а черт его знает кто со свитой. Чего он в ночь приехал, самому богу неведомо, но остался и свиту свою в казарму к нам сунул, выгнав моих парней под небо. Был апрель и жарило, как летом, а потому парни не сильно обиделись, когда голову на голую землю прислонили. Я же не сильно обрадованный таким визитом, вздумал уединиться у себя в клетушке, что выделена мне была при казарме, но в девятом часу вечера разбудил меня слуга того высокого чина с приглашением от гостя перекинуться в картишки на сон грядущий. Я карт особо не чурался, но тут как бес попутал – не лежит что-то душа играть сегодня и все тут! А слуга, знай, одно талдычит – просят и все тут! Ну, пошел, как тут не идти, если командир крепости уже с двумя ротными командирами банк мечут почитай полтора часа. Пришел, а господин-то этот с порога, как закричит:

– А-а, вот и майор к нам пожаловал! Заждались мы тебя, такой-сякой, немазанный!

– Никак нет, ваше сиятельство! – отвечаю я ему, как есть по форме – Ошибиться изволили, никакой я не майор, а всего лишь инженерный прапорщик.

– Хм! – призадумался тут господин, что сидел как на грех в самом темном углу стола, куда огни от канделябра, одиноко торчащего посреди игорного стола, почему-то не доставали. – А не хочешь ли ты, прапорщик, враз тут майором стать, а?

– Да кто ж не хочет-то, ваше сиятельство! – тут же отозвался я. – Да только чины просто так, с неба, у нас не падают. Дай бог к старости хоть в капитаны выйти.

– Чего же к старости? – расхохотался внезапно господин и странно блеснул глазами – Твой командир-то, вон, Семен Ануфриевич, патент поручика у меня не за понюх табаку под Очаковым во время осады выпросил. А ты чем хуже? Всего и делов-то, перекинуться с нами в штосс, а там как кривая вывезет...

– Не умею я в штосс, ваше сиятельство! – потупил взор я и даже покраснел. – С малолетства зарок дал за карты не садиться.

– Хм... – опять задумался господин и разом все за столом, как стон выдохнули – Хм...

– Ну что-ж, прапорщик, – выглянул наконец-то из тени господин, с лицом изрытым оспинами и тонким, острым носом – посмотри, тогда, как твое начальство метать банк будет, а то ведь долг платежом красен, да, Семен? – прищурясь, странно как-то посмотрел господин на белого, как смерть нашего майора. А тот даже сказать ничего не может, лишь головой кивает.

Сдали они, значит, в первый круг карты и сидят, молчат, а я лишь вокруг них похаживаю, да из-за плеча пытаюсь разглядеть, кому что выпало. Да только понять одного не могу. Сидит мое начальство как куклы набитые, на да, ни нет сказать не могут, лишь карты перебирают, да головой трясут. А карты-то все какие идут! Дрянь одна. Масть от масти хуже и все на бедного Семена Ануфриевича. Он и головой трясти перестал, посерел лицом и белыми от страха глазами смотрят не в карты, а на огонь свечей. «Эге!» – Подумал тут же я – «Чего-то тут нечисто! Толи раболепствуя, скидывают все карты налево начальнички, толи господин-то наш сиятельный шулер каких свет не видывал». Смотрю и ротный командир гренадер, бравый такой капитан Морозов с лица спал, да карты отодвинул. Подошел я к нему, взглянуть чего он там так испугался, да нагнувшись, нечаянно, крестик-то мой нательный, мамой даренный, вывалившись из-за сюртука, плеча капитана коснулся. И что ты думаешь? Тут же пошла карта Морозову! Да такая. Что отыграл он все свое спущенное, да еще и в прибыли остался на гривенник.

– А чего ты, прапорщик, все похаживаешь? – нахмурился тут господин недобро и покоился на крестик мой торчащий. – ты чего там все вынюхиваешь? – и внезапно, как закричит – А ну сдуло со стола! – и командиры мои пропали. Не ушли, а именно пропали, разлетевшись вонючей пылью. Я так и обмер на месте!

– Эге-ге! – воскликнул уже в голос я, – а тут и впрямь нечисто!

– Экий ты смешной, прапорщик! – рассмеялся опять господин и неожиданно добавил – Не зря твою жалкую душонку Семен мне прозакладывал! Кажется сопля-соплей, плюнь и мокрого места не останется, но хитер. Ой, хите-ор!

– Может и хитер, – неожиданно как-то осмелел я, – да не хитрей некоторых!

– Это точно... – одобрительно зашевелился в своем углу господин с острым носом – А знаешь что, прапорщик? Садись-ка ты да напротив меня в дураки играть. Раз выиграешь, живой останешься, ну а проиграешь – пеняй на себя...

– В ад попаду? – как-то даже весело поинтересовался я – И, стало быть, черт ты, а не фельдмаршал?

– Кто, чео-орт?! – радостно воскликнул господин, да как заржет, словно молодой конь – Га-га-га!!! – и все слуги, что собрались в комнате разом заржали – Га-га-га!!! – Вот что попы вам в башку-то пустую, напихали с детства, а вы и верите! Ну, какой я тебе черт? – укоризненно посмотрел на меня господин и откинувшись в кресле, принялся тасовать карты. – Да и как ты черта представляешь? Небось, хвостатого, да еще и с рогами? – и слуги господина опять засмеялись, да еще так противно и громко, что в ушах зазвенело.

– Ну что, прапорщик, готов? – наконец поинтересовался господин – А то скоро уж утро, а мне в дорогу пора.

– Готов-то готов, – отвечаю ему я, – а только что вы, ваше сиятельство поставить изволите? Уж не майорство ли?

– А ты не хочешь? – разом посерьезнел господин, даже бросив раскидывать карты.

– А чего мне с того майорства? – отвечаю тут же ему – Ты давай-ка лучше верни души начальства моего, а чин можешь себе на шею повесить!

– Во, умора! – опять заржали слуги господина. – Чужие души спасти пытаются, а о своей ни слова!

– Душа у прапорщика, как у птицы, до первого боя. – Вздохнул я и потянулся за картами – А там уж в небо...

Ох, и долго играли же мы, а только проиграл я. Да так проиграл, что остался с одной лишь картой на руках. А господин даже что-то и не весел стал. Потянул у меня из рук карту, а там червовая дама.

– Хм! – замычал удивленно господин и показал всем слугам взятую карту и те как-то странно на меня посмотрели.

– Четвертое поколение... – не понять, что и молвил господин, но тут же спохватился. – Отца, небось, еще и не помнишь?

– Откуда уж тут упомнить, – несказанно удивился я такому вопросу, – осиротел-то еще во младенчестве. Мать и ту не особо запомнил...

– Ох уж эта молодежь пятой эпохи! – покачал головой господин и резко встал из-за стола. – Скажи спасибо батеньке, ибо в долгу мы перед ним. Не сотвори он обряда с вашим беспутным царьком в ночь на Ивана Купалу, то гнить нам на небесах и дальше...

– Гнить? – переспросил совсем запутанный я – На небесах?

– А то где же? – усмехнулся невесело господин и вытянув немного клинок шпаги, что болталась неприкаянно на боку, провел слегка ладонью по ее клинку. – Ты на небесах давно не был? – поинтересовался иронично он у меня – А я почти двенадцать тысяч лет просидел там. Ох уж эти сказочники ваши попы! Ох уж сказочники. Небеса, рай и все такое! – господин покачал горько головой и придвинулся ко мне поближе – Тюрьма это, рай ваш! Скажите спасибо вашей общей прааматери Еве, что зарубила полубога Змея и кровью его окропила святые замки, что ангелы заговорили, на вечную крепость. Кровь та непростая была, ибо к древнему роду, еще первых титанов относился павший полубог Змей. А потому разъела кровь, что кислота замки и бежали люди на землю... – при этом господин, положив мне на лицо свою окровавленную ладонь, принялся возить ей из стороны в сторону. – А попы хороши! Слышали звон, да не знали где он. Перевертали, переписали все, поменяв все на корню. Яблоко она, видите ли, сорвала... Тьфу! – сплюнул желчью на сторону господин, не прекращая своего занятия. – Там сорвешь яблоко, ага! На цепях в клетках сидят, да замурованные в катакомбах, а они яблоки там представляют! Откуда они там деревья взяли, ума просто не приложу... – закончив мазать мне лицо кровью, господин отстранился и довольно оглядел свою работу. – Хорош гусь. Хоть сейчас в печь! – и слуги вокруг опять радостно заржали. – Ну, посмеялись и ладно. – построжал тут лицом господин. – Хоть и должны мы твоему батеньке, а только проиграл ты мне, а уговор, есть уговор. Душа твоя с потрохами моя. Но нравишься ты мне, прапорщик, вот ей-богу, нравишься, а потому не трону тебя, а возьму за гузно родителя твоего. Пора уж ему ответ за содеянное держать, ибо нечего земным людишкам, пусть и представителям почти вымершей расы четвертого поколения в небесные хляби соваться.

– Поздновато опомнились. – промямлил кое-как я. – Батю на том свете, поди, черти лет двадцать уже на сковороде подбрасывают.

– Ошибаешься! – радостно оскалился господин, показав два ряда мелких, но острых зубов. – Батенька твой, Яковом Брюсом с рожденья наречен, а потому живет он и здравствует, как тебе и не снилось, да недолго ему осталось. Наведаюсь сегодня поутру до него!

– Тут до Петербурха верст с тысячу будет, неделю лететь сломя голову и то не поспеете, а то утром еще зареклись уже видеть!

– Экий ты все же смешной, майор! – оскалился, повторившись господин и собрался было уходить, да остановился. – Так и положим, парень, быть тебе на неделе майором, хоть и отнекивался ты. Да только должок за тобой останется и никуда тебе от него не деться.

– Не надо мне ничего, ваше сиятельство! – испугался я, да было уже поздно.

– Кровь мою тебе с лица так и не смыть, пока долг не отдашь, а долга на тебе положим в двести душ. Даю тебе год, не расплатишься, я даже являться не буду, съест тебя моя кровь и не подавится. А кровь-то у меня хорошая, куда там тому бедолаге Змею до меня! Ты-ж, поди, так и не понял с кем в дурака вздумал перекинуться и кого крестом по дурусти пугать надумал? – и господин неожиданно приосанившись подмигнул. – Азраил – ангел смерти, собственной персоною. Ваши попы по дурусти своей напутали все, а потому можешь меня звать и Михаилом. Архангелом, естественно! – и пропало все: и господин этот со своими слугами и комната с игральным столом, да и свет пропал. А когда открыл глаза, то очутился почему-то во дворе крепости прямо у самой стены. Голова гудела, как с жесточайшего

похмелья, хотя и не пил ничего наперед уж точно. Но гудело в голове, сегодня только у меня. В крепости никого не было. Ни единой душонки. Наоравшись всласть, пошел разыскивать хоть кого-нибудь, ибо одному на приграничье с турками особо-то не весело обретаться, особенно, если вроде как война идет. Ходил, я ходил, да так и не нашел никого. Вот и остался в крепости последние дни коротать, так как набег турки совершат сразу же, прознав, что защиты тут всего ничего – один я. Только не досталось мне пасть во славу Отчизны – прибыли через два дня наши сменщики из Оренбурга в количестве батальона с грузным капитаном Сормовым во главе, от которого и узнал я, что в губернии нежданно-негаданно два дня назад поднялась чума, да и выкосила подчистую половину ее жителей. Прибежавший из крепости старый солдат сообщил, что в крепости мор и все начальство, заодно с солдатами представилось, лишь прапорщик еще дышал, когда он надумал весть о беде подать. Куда делись тела павших от мора, никто объяснить не мог, да и сам я толком ничего связного выдать тоже не старался. Меня быстро собрали в дорогу и отправили с богом в Оренбург, откуда меня по срочной эстафете вызывали в Москву. Прибыв кое-как на вторую неделю в столицу, узнал я, что жалован я за храбрость расщедрившей императрицей не много, ни мало, а сразу в майоры, и тут же, безо всякой аудиенции отправлен с патентом служить в гарнизон города Гусь Хрустальный, что Демидовым вотчинной родной приходился. Вот там и встал я начальником над местной инвалидной командой. Верой и правдой выслужил я так три года, маясь каждый день головными болями и забывать уже начал дела те кромешные в крепости на границе, пока не вызвал меня к себе временный управляющий заводов, доверенное лицо семейства Демидовых – Иван Рокотов, бывший крепостной из тех, что зад хозяину подлизывая, к старости дворянские грамоты получают. Так и этот тип успел дворянством обзавестись, чем сильно гордился и наглости был просто неопишущей. Но вызвал меня он довольно-таки робко, а прибыв к нему, так вообще поразился. Был что-то Рокотов бледен с лица и мямлил заплетающимся языком какую-то чепуху. Кое-как удалось мне его привести в чувство, хотя и дал я ему в его хитрое рыло пару раз очень даже крепко. Наконец он успокоился и даже вроде как стал нормально изъясняться, а только смотрел он как-то странно.

– Пора долг отдавать! – наконец вымолвил он.

– Какой еще долг? – судорожно пытаюсь вспомнить, чем это я ему задолжал, призадумался я.

– Вестимо, какой! – неожиданно судорожно засмеялся Рокотов. – А двести душ, что сулился Михаилу достать, уже и забыл?

– Что? – изумленно уставился на него я. – Ты откуда, скнипа, узнал про то?

– Лучше тебе не знать, майор... – тяжело вздохнул Рокотов и неожиданно признался. – последний час мне на этой земле остался, ибо заложил я душу давным-давно Михаилу, да срок пришел. Пора мне уж. Находился по земле-то. Да только не один я уйду. Сказано мне было тебе передать, что запамятовал Михаил о тебе, да тут наперед вспомнил. Сказал, что ежели ты двести душ не представишь сегодня, то гореть нам с тобой вдвоем синим пламенем...

– Этого не может быть! – перебил наконец-то длинный рассказ умирающего Карачарова поп. – Это просто ересь и богохульство! – поп вскочил со стула и начал тыкать в сторону умирающего наперстным крестом – Отрешу! Отрешу-уу! – завыл на визгливой ноте, суетясь, поп. – От церкви отрешу, несчастный! Опомнись немедля и помолись! Скажи как на духу, что бредни все это и попутали тебя!!!

– Попутали, говоришь? Ересь? А как ты посмотришь на то, святой отец, что взял я грех на душу в двести невинно убиенных?

– Что? – как стоял, так и сел на пол, грохнувшись задницей, аж звон пошел, поп.

– Как мне Рокотов напомнил про должок-то мой, так башка моя раскалываться просто начала, гудит в ней все, и глаза кровью наливаются моргать нельзя. Дошло до того, что пошла горлом и носом уже кровь и понял я, что умру, но слаб духом оказался... – умирающий отвер-

нулся от попа к стене и глухо продолжил. – Под главной башней звонницей, был у Демидовых особый подземный цех. Чего они там делали, ведать не ведаю, а только глубоко подвалы там уходили, раз ежедневно туда двести душ спускалось. Знал я и то, что новая смена только-только туда спустилась, ну и закрыл я их там на замок, а сам еще и солдатам приказал засыпать землей спуск в эти катакомбы.

– Что ты говоришь, несчастный! – в ужасе побелел поп и кинулся вон из комнаты – не будет тебе прощения. Не будет!!! Отныне и во веки веков будь проклят ты!

В тот же вечер старый Карачаров и представился. Повивальные бабки, взявши омывать тело покойника, неожиданно заметили, что он на глазах просто стал распухать и гнить. Вонь стояла просто невероятная. Через день все было уже кончено. К моменту, когда его полагалось уже хоронить, от покойного остался лишь скелет, обтянутый кожей. Съехавшиеся на похороны гости внезапно занедужили, а у Марьи Ивановны все тело внезапно покрылось какими-то лиловыми шишками. Поднялась суматоха, переросшая в стихийную панику, в результате чего все тут же разбежалось по своим поместьям, где и скончались в непродолжительное время, заразив всю округу на сотни верст кругом. Потому-то правительство не сразу узнало, что в провинции бушует уже давно чума. Через год, когда кое-как с чумой, вроде бы, справились, поместье Карачарова спалили. Хоронить его так и не похоронили, так как было уже некогда, да и некому, ибо померли все давным-давно. Так и запомнился он солдатам, лежащим посреди стола, который лизали языки пламени...

А Яков Брюс, к слову сказать, помер странно. Говорят даже, что тридцатого апреля – утром следующего дня, после игры Карачарова...

20.07.2016 г.

Начало Исхода

– Я не помню, когда это было, слишком много зим прошло с тех темных времен. – Незряче уставился на огонь жертвенного костра старый срединник Лоррин. Вокруг него, не смея сесть, стояло все его родное, по имени младшего сына названное Сарматово племя, слушавшее в полнейшей тишине последний сказ умирающего героя. Лоррин был очень старым. Никто доподлинно не знал даже приблизительно год его рождения. Самые авторитетные старейшины рода именовались им «сынками», хотя самый младший из «сынков» отметил не так давно сто двадцатую свою зиму... – Да, я не помню время, – продолжал срединник – но я вижу сердцем его. Время героев. Мы были сильны как буйволы, храбры как барсы и многочисленны как песок под нашими ногами. Мы были богами. По крайней мере, мы чувствовали себя ими, ибо нашелся тот, кто показал нам этот мир так, как еще никто не показывал. Велес... царь – царей... Он показал всем нам чего стоит все величие богов и правителей Земли. Перед нашими дружинами трепетало все Запределье и не один легион нежити мы смешали с прахом земным... – старик криво усмехнулся, при этом обезображенное страшной рубленой раной лицо в свете костра даже помолодело. – Азраилова армия, армия Смерти... Так звали нас народы Запределья. И мы стоили этого названия. Нас отбирали туда с десяти лет. Если ты был здоров и силен, то это еще не было поводом для зачисления даже в младшие дружины. Лишь наличие пера ворона давало право на место среди заслуженных младших воинов.

– А что это за перо?! – неожиданно пискнул за спинами собравшихся наглый детский голосок. Все вздрогнули и шарахнулись в сторону от маленького тощего мальчика, подавшего голос в нарушение всех правил и обычаев, ожидая гнева старого Лоррина, но тот широко улыбувшись, жестом показал не место рядом с собой. Это было знаком величайшего расположения и чести, которого добивались за всю историю многие, но добились лишь двое и те были отнюдь не простыми людьми. А тут какой-то щенок – недоросль, дай бог только научившийся, наверное, ходить.

– Перо ворона – знак победы над десятью врагами. Очень не многие могли похвастать такими перьями. А уж кто его носил на голове, имели полное право этим гордиться. – Старик неожиданно погладил шершавой ладонью по вихрастой русой голове мальчишки. – Когда я пришел в дружину, я был немногим старше тебя, малыш, и у меня не было пера война. Но я победил на глазах командира «младших» великого Симаргла, самого сильного из кандидатов в дружину и меня взяли. Правда, не «младшим», а пока что простым воином без звания. Такое разрешалось. Многие опытные войны имели прислугу и оруженосцев. Так и я стал верным помощником у Тремора, сильнейшего война из клана Черных ястребов, что приплыл к нам из страны, расположенной за громаднейшим Запредельным морем. Тремор Буйвол имел красную кожу, горбатый большой нос и длинную черную косу на затылке с девятью орлиными перьями. Его все уважали и брали у него уроки владения оружием, ибо не грех учиться у того, чья доблесть не раз уже была доказана в бою, а большинство воинов дружины не имели и половины тех отличий, что носил на голове мой наставник. Он был храбрым воином. И умелым. Но через три года после того как я поступил в «младшую» дружину началась Демонова война. Вы не слышали о ней, я знаю, но она была. И эта была самая кровавая из всех войн, что велась человечеством. Император Запределья повелитель нежити катархонт Сабун, собрав громадную армию из подвластных ему народов, и вторгся в пределы Аркадии, сходу взяв на щит самый южный из наших городов – приграничный Аркаим. Проломив стену, гвардия Сабун – корпус нежити вырезала подчистую этот некогда славный город... Так не стало вашего прародителя, старого и уже совсем не великого Рода. Эта погань Сабун решил, что он выше богов и осквернил землю кровью Первородных – древнейших полубогов нашей Земли, что при- были к нам с далеких звезд. Это было ошибкой – убивать Рода. Первой ошибкой в череде

многих, содеянных Сабуном. Но это было ничто по сравнению с тем, что произошло потом. Пока жалкие гарнизоны приграничных крепостей своими жизнями задерживали стремительное наступление несметных полчищ Запределья, давая собраться с силами основным армиям Аркадии за первым оборонительным валом Бояна, один из экспедиционных корпусов элиты всей армии Сабуна, считавшегося самым сильнейшим на земле – Мантильский, по глупости пробудил к жизни одного из старейших монстров, оставшихся после древних войн Предков, когда по земле бродили как сейчас мы с вами ужасные выродки от связи демонов с богами, дальнего родича самого императора Запределья, героя битвы при Доккатокии бога Ура.

– Но он же не был богом! – воскликнул неугомонный мальчишка, слушавший до этого с открытым ртом сказ старого Лоррина. – Ура конечно герой и великий воин, но разве он бог?

– Поначалу мантильцы тоже не особо поверили в божественную сущность Ура и попытались даже, – старый воин неожиданно рассмеялся – съесть того, кого они случайно достали из свинцового саркофага стоящего в пещере Полуночных гор, но их немного опередили. Ура сам отведал мяса мантильцев, для начала развалив пополам самого сильного из них коназа Коацепантли, а потом, для завершения обряда Пробуждения устроил себе шикарнейшую ванну из крови тысячи мантильцев, что пали добровольно перед ним, надеясь на его снисхождение. Он снизошел. Убил намного меньше, чем собирался. Ибо понял, что мантильцы ему еще пригодятся. К примеру, в качестве пищи. – Старый Лоррин поднял голову и уставился невидяще в звездное небо. Рядом трещал костер. Он чувствовал, как никогда все вокруг, ощущал присутствие своих соплеменников и понимал, это последняя ночь в этом мире... Что ждало его там, за Кромкой, там, куда ушли его друзья и товарищи, там, куда он отправил в свое время очень многих своим мечем... То, что там не просто Небытие, а что-то есть, он знал доподлинно. Не может ничего быть там, откуда пришли три эпохи назад боги, избиваемые сильнейшими демонами... Значит впереди еще не одна битва, стоит только дождаться, только почувствовать приближение рассвета. А до него было уже недолго и нужно было донести Знание до своих людей, чтоб не пропала память о настоящем прошлом человечества, чтоб они знали – боги есть. Или, по крайней мере, были...

– Когда три первых героя Аркадии: Боян и Сварог с Гором разбили вдребезги в Запредельных пустынях дружину мятежного князя Ура, они не думали, не гадали, что убив его, породили новое божество Запределья. Так уж получилось, что пал Ура в самый канун окончания эпохи Перерождения...

– Какой, какой эпохи? – перебил его сидящий рядом мальчишка – А что это такое – эп... эпоха?

– У меня уже мало времени, – задумчиво почесал бритый череп Лоррин, ощущая как его холодит предрассветный ветерок, – но тебе скажу... Наш мир строго сбалансирован. Не бывает такого, чтоб где-то что-то было, а где-то нет. Все везде поровну. И нельзя нарушить такой баланс, ибо сломается само Мироздание... На небесах так же. Есть боги. Есть демоны. И есть кромешники с срединниками. Есть герои и полубоги, сатиры и нежить, есть в конце-концов титаны. Они существуют не просто так, а для Гармонии мира, ибо не может быть только хорошо или плохо. Именно поэтому, если где-то что-то исчезает, его место занимает его аналогия. Ибо это закон. Никто не может противиться закону нашего мира... – старик криво усмехнулся. – Когда убивают кого-то из богов, его место занимает полубог или, бывает и такое, сам убивший. Но это очень редко. Так как убить бога или демона очень сложно и бывает такое нечасто. Но если случается, наступает перерождение. В тот год боги что-то не поделили, и случилась битва, о которой даже я плохо знаю. Однако она была, и были погибшие. Причем, что удивительно, для богов, очень много. Почти два десятка ушедших за Кромку – это слишком много. Даже для всемогущих богов. И чтоб облегчить себе жизнь они инициировали Эпоху Перерождения, время рождения новых богов. Время, когда встали из могил, ставшие пеплом за своей давностью многие павшие герои Аркадии и Запределья. Конечно, в боги затесался и тот, кто

не совсем соответствовал этому знанию, но разве кого-то это волновало? Так возродился и Ура, которого к тому времени нашли в песках дикие племена Доккатокии. Дикари не слишком-то блестя умом, тем не менее додумались зачем-то залить князя Ура свинцом в саркофаге и поместили его на одном из своих капищ в Полуночных горах... Как его пробудили мантильцы, я не знаю, но им это сильно аукнулось. Тем более, что Ура возгордись своей силой, которая прибывала с каждым убитым врагом, бросил вызов своему дальнему потомку – Сабуну. И тот бежал. Так возродившийся полубог Ура стал сам императором. Старший круг Аркадии, состоящий из ста старейшин кромешников предложил ему отступить от границ страны и забыть все былые обиды. Ура был зол на Аркадию, ибо помнил, кто его отправил за кромку, но тут явились они... – старик, тяжело вздохнув, провел ладонями по обезображенному лицу, как умываясь. – Боги красной звезды покинули свою землю и вторглись в наш мир.

– А что это за звезда? – опять перебил его мальчишка, во все глаза смотрящий на старика – Я не слышал еще о такой!

– Доколе щенок будет позорить нас? – рявкнул, не выдержав такого непотребства вождь племени могучий Сармат – Какого черта дети встревают в разговор взрослых? В шею гнать его от костра, изгоя паршивого!

– А ну заткнись... – Лоррин, закаменев складками лица, сказал, как плюнул – сопляк! – Неужели ты думаешь, что, если бы меня как-то оскорбляло поведение мальчишки, я бы дал ему так себя вести? – судя по опешившему виду вождя, он вообще сейчас ничего не думал – Ты никто по сравнению с ним. Ты просто воин... – неожиданно размеренную речь старика перебил щебет проснувшейся птицы, что предчувствуя наступающий рассвет, зашевелилась в кустах рядом с костром. – Я не успел... – горько вздохнул Лоррин, повернув лицо навстречу занимающейся зари. – Время зовет меня. Я слишком долго бегал от него... – старик, вздохнув, повернулся к мальчишке. – Мне очень жаль, малыш, что я не успел донести до тебя всего что хотел. Теперь тебе самому придется творить новую Историю, ибо предыдущей не стало...

Первый луч восходящего солнца упал на старика, и он к ужасу племени начал сереть, покрываясь каким-то пеплом. Явно торопясь, старый Лоррин, схватив за руку мальчишку, притянул его поближе, накрывая его лоб широкой, как лопата ладонью. – Азраилова армия не успела. Но успеешь ты, новый коназ сарматова племени. Ты огнем и мечом обрушишься на демонов красной звезды. Изгони их. Ибо не место демонам среди живых. Это наша, не их Земля. Тебе поможет архонт мертвого города – Калинова моста, коназ Велес. Он долго ждал тебя, малыш во тьме веков, умерев, чтоб восстать, когда явится дитя, рожденное на рубеже Исхода...

– Почему он должен мне помочь? – неожиданно блеснули под ладонью старика глаза мальчишки.

– Потому что он твой отец. И он заждался тебя, Святогор...

Солнце вставало над древними лесами, порождая новую эпоху в истории человечества. Ничего еще не было ясно. Слишком было все смутно и не понятно. Уходило в небытие то, чему был свидетель, последний из аркадийцев, великий воин, а ныне жалкая развалина бывшего величия старший из среднего круга старейшин Лоррин Богумир. Никто ничего еще не знал и мало кто догадывался, что щуплый наглый мальчишка, склонившийся под десницей ушедшего уже за Кромку старика, станет величайшим из героев человечества, который воскресит пусть ненадолго государство древних – Мангазею. Будет все: и кровавые боины и восстание нежити и гибель Богов. Будет многое... В том числе и последний бой у города Калинова, и страшная смерть от меча своего же отца... Будет все. А пока была зря... Исход начался.

23.03.2015 г.

Калинов мост

– Никто и никогда не брал Калинова моста! – орал, брызжа в разные стороны бешеной слюной тысячник Бус. – Боги штурмовали его четыре тьмы назад. Боги! Не какой-то там захудалый князек. И то взять не смогли, а может и не сумели. А ты, жалкое отродье великого Рода сумел его захватить?

– Я не захватил город, – хмыкнул, пожав плечами, невысокий воин в странном пластинчатом доспехе из белесого похожего на серебро металла. – Я взял лишь подступы к нему – две мостовые башни.

– А я вот как кликну сейчас отроков, – уперся в него тяжким взглядом князь Жерех, что уже битый час выслушивал перебранку между своими ближниками и прибывшим недавно в их крепость молодым воином, что принес весть о невозможном, – так они с тебя доспех-то дерут, да так расчешут дубьем вдоль хребта, родных позабудешь!

– Не страшно! – хмыкнул молодой воин и оценивающе посмотрел на воинов ближней дружины князя, что стояли у самого трона плотной толпой, полукольцом огибая спорящих. – Я твоим воям не враг, но если сунуться, не обессудь...

– Что? – вытаращил налитые кровью глаза тысячник. – В княжьем тереме, да при богах? – Бус пораженно оглядел зашумевших воинов, что шевельнулись в своем строю. Будет сеча... – Дружина-ааа, вы что стоите, волох вас дери! А ну взять наглеца, да всыпьте ему так, чтоб на задницу больше не сел! – заорал внезапно тысячник и сразу пятеро старших воев сунулись к дерзкому незнакомцу. А тот... Сиганул с разбега на сотника Шумяку и коленом вмазал ему прямо в челюсть. На того самого сотника прыгнул, что весной зарубил в набеге троих волколюдов. Зверье еще то, между прочим. Никогда и никому не уступавшее в силе. И вот теперь грозный рубака волколюдов Шумяка летел, как невесомая птичка, пока не влип со всего маха в бревенчатую стену терема, да так и остался лежать на боку в жесточайшем отрубе. Ближники князя – парни не промах и помахать мечами всегда горазды, но летать как сотник больше никто не хотел.

– Не враг я вам, – повторил еще раз и уже громче воин и вытянул медленно, очень медленно свой меч.

– Смерть тебе... – начал, было, тысячник, но внезапно глаза его полезли из орбит – Меч Траяна! Откуда... – только и смог выдавить тысячник. Хватаясь немеющей рукой за сердце.

– Некогда объяснять. Слишком много времени я потратил на споры... – воин резко развернул меч рукоятью вперед и протянул князю – Вот, княже, не мне, так ему, Вершителю душ поверь. – Князь внезапно сощурил глаза, и облик его напомнил хищную птицу, что внезапно увидела добычу. – Не мир я вам, Жерех, принес, но меч! Калин поднял свою орду нежити и идет по пятам за мной. Гибель пророчат сему городу волхвы. Прости князь!

– Неужто кто-то покусится на наш древний Кревень? – усмехнулся неверяще тысячник Бус, – Мы не Калинов, но княжий город больше двух сотен лет никто не штурмовал. Уж как-нибудь отобьемся от Калина с его голозадым войском!

– Вы, может быть, и отбились бы, – задумчиво посмотрел на него воин, – тем более, что войны действительно у вас хороши, но Калин не один.

– Да хоть десять, таких как твой недоделанный царек! – Жерех хрипло рассмеялся и ткнул зажатой в руке булавой на одну из стен терема, где на глине была достаточно живописно изображена битва у неизвестного болота. – Когда я был еще, таким как ты – сопливым и совсем дурным, довелось мне поучаствовать в жесткой сече у стен неизвестного града на краю огромнейшего болота. Я бился с семью лучшими войнами владыки города и побил всех. А в конце поставил на колени самого Стигийского царя. Знатный трофей был. И потому не убил я его, а взял с собой и, приведши в Кревень, показал своему народу насколько сильны мы.

– Силен и велик ты, княже! – саркастически молвил молодой воин. – Да только с новой силой тебе не совладать. Калин-царь с сорока царями, с сорока королями, у которых у каждого силы по сороку тысячей бросает вызов тебе. Сдюжишь?

В тереме повисла гробовая тишина. Время шуток и безудержного хвастовства закончилось. Даже тысяцкий Бус, явившийся от наглости молодого война, внезапно осознал – то, что было до этого просто сушая ерунда. Такой огромной армии, какую собрал восставший царь, еще человечество не видывало.

– Что мы можем противопоставить Калин-царю? – Жерех напрямую обратился к тысяцкому, сверля его вопрошающим взглядом.

– Ничего. Даже если мы соберем все ополчение подвластных земель, и император Запределья – Сабун пойдет нам навстречу и выделит свою армию, мы не сможем сражаться против Калина.

– Он привел под стены внешних границ Аркадии сорок королей Пекла, – уточнил тут же молодой воин.

– И что?

– Каждый из королей повелевает корпусом нежити в сорок тысяч...

Совет еще не знал, что Калин-царь к тому моменту уже овладел Доккатокией, Атрией и Пустыней Безмолвия. Армии этих побежденных царств влились в армаду Калина и теперь никто не мог ему помешать завоевать мировое господство. Войско его стало столь огромно, что даже в боях участвовали лишь малые его части, пока остальные бездействовали. Сорок королей Пекла. Бывшие правители подземного царства. Кто-то лучше, кто-то хуже другого, они, тем не менее, все были очень опасными тварями давно минувшего прошлого. Каким-то образом Калину удалось поднять из могил этих давно уже опочивших богатырей и они подчинились ему. И все бы ничего, да только нежить – самые опытные и страшные война Средиземноморья, которые когда – либо рождались на земле, подчинялись только им. Пока спали вечным сном короли, нежить на земле не показывалась, так как место ей – охранять Пекло. Но царей послали истреблять род людской и нежить пошла за ними, неся смерть и страх всему живому. Считалось, что любая из нежестей в единоборстве способна порубить не менее шести опытных человеческих воинов. Лишь редкие герои способны были в единоборстве противостоять нежити и потому никто не поверил рассказу молодого война о штурме Калинова моста после которого нашлись живые рассказчики сечи. Дело в том, что до восстания сорока королей нежить стояла в охране лишь в одном месте на нашей земле – Калиновом мосту, что считался границей между миром живых и мертвых. Калинов мост и он же просто град Калинов – неприступная крепость, что легла каменными твердынями по реке Смородине, ограждая мир живых от проникновения туда, куда их не звали. Говаривали некоторые старцы, что нежить стоит как раз не для того, чтобы живые лезли в Пекло, а чтоб из подземного царства не выбрался кое-кто, кого великие Препные туда заточили. Считалось, что Калинов это первый город основанный богами, после того как прошла война из-за которой большинство великих Препных покинуло нашу землю. Был еще один оплот богов – Старград, но живые его не видели уже более пяти тысяч лет, а те, кто видел, рассказать о увиденном не могли. Мертвые, знаете ли, не разговаривают. Калинов же видели, но приближаться к нему не спешили, ибо пало на подступах к нему столько роду человеческого, столько побилло всевозможных князей, вождей и императоров по берегам Смородины, что кости усеяли толстым слоем пространство в несколько верст вокруг передовых укреплений града. Кто бы мог поверить, что нахальный молодой воин не просто сражался у передовых укреплений этого неприступного града, но и взял передовые башни? Сколько там было нежити – этого не знал никто. Но явно ее было достаточно, чтоб перемолоть в труху не то что дружину этого война, но и с десятков армий такого не слишком-то слабого князя Жереха.

Но воин не врал. Его личная дружина сломала охранные сотни нежити и легла практически вся, но дала молодому войну взять величайшую реликвию, что хранилось в одной из башен – меч Траяна. Меч был утерян в битве еще в те времена, когда по земле ходили титаны, а совсем еще молодой Плутон враждовал с богом Гором. Траян был последним из богов, что основали Калинов. Он правил им достаточно долго, чтоб кое-кому надоело уже это и его свергли, предварительно разрубив надвое, так, на всякий случай. Далось это злодею очень непросто. Траян хоть и стар был, но сил хватило порубить в капусту полдесятка не слишком-то слабых полубогов и в довершение успокоил старый воин и мятежного бога войны Ареса. И это учитывая тот факт, что Траян был уже лишь жалким подобием того, кем он был полтысячи лет еще назад. Однако пал и Траян. Предал его близкий друг и товарищ – командир лучшей сотни траяновой дружины Стигийский царь. Ударил булавой по шлему, подкравшись сзади и лишил, таким образом, всей силы старого бога предатель. Уже падая, зашвырнул далеко в небо свой меч Траян с такими словами:

– Только истинный царь сего града возьмет его в руки! Смерть и тлен недостойным!

– Значит, меч этот – мой! – ощерился в улыбке Вий, который и сверг, собственно, Траяна.

– Калинов-град не примет тебя, мертвяк! – Печально улыбнулся обессиленный Траян, – Нежить не подчинится тебе без меча.

– Ну, это мы еще посмотрим! – крикнул Вий и обрушил что есть мочи свою секиру на павшего бога.

Вий сел на трон старших богов срединного царства, но трон не подчинился ему. Нежить бунтовала, не чувствуя силы Прежних в новом боге, а сам Калинов внезапно сталместилищем всех неупокойных душ. Души те, не зная страха и живя лишь одним чувством мщения, вселились в павших воинов, что гнили уже столетия под стенами града. Так появились бесы. Они оказались настолько неуправляемыми, что проникли в святая святых града Калинова – врата Пекла и выпустили оттуда пусть и не всех, но очень многих давно уже ушедших в мир иной порождений мрачного прошлого. Чувствуя, что трон шатается с каждым днем все сильнее, Вий решился на последний шаг.

– Найти мне меч-кладенец Траяна! – отдал приказ он Стигийскому царю, что служил теперь новому повелителю Калинова в его личной страже. – Первому, кто принесет его мне, я отдам древнейшее царство Аркаима.

– Лишней корона не будет, – поклонился низко Вию Стигийский царь и отправился на поиски. Меч и в самом деле нашли. Глубоко в болото ушел павший с неба булатный клинок и много сил и времени потратили рабы, чтоб добыть его. Но достали. И пали все, превратившись в пепел. Заклятье Траяна лежало крепко на клинке. Стигийский царь, понимая, что доставить его не получится, позвал Вия самого к клинку и тот явился.

– Жалкий трус! – ударил Вий трезубцем в грудь царя и обрушил его в болото. – Болотному царю и место в болоте! Не видать тебе, раб, Аркаима.

– Ты обещал! – завопил, уже захлебываясь болотной жижей, Стигийский царь – Отдай мне мое!

– Умри, хоть как воин, изгой... – и Вий ухватился за рукоять меча.

– Я – то уйду как воин, а ты – нет! – молвил царь, медленно закрывая глаза, которые уже почти залила болотная муть. – Боги, услышьте меня! – взмолился уже уходя на дно болота царь после того, как Вий рассыпался в тучу пепла. – Не дайте пропасть мечу. Завет Траяна должен жить! Калиновым должен править истинный царь!

И свершилось чудо. Разверзлась твердь земная, обнажив выход новый из Пекла и пропало туда болото. Тот выход стал лазейкой из мира мертвых и чтоб как-то закрыть его, пустили в этот разлом земной тверди воды мертвой реки – Стикса. Ни одно живое существо и большинство духов не могло пройти сквозь реку, ибо была она из кипящей серы. Стражем на Стиксе поставили могучего демона Харона, который со своей командой бороздил воды Стикса на корабле

из костей павших титанов из-за чего сера, не причиняла ему вреда. Стигийский же царь, оказавшись на земной тверди, услышал в голове своей голос, что молвил ему о том, чтоб взял он заговоренный клинок и снес бы его в Калинов, где и положено ему дожидаться своего нового хозяина. И времени дал голос ровно два дня. На третий смерть ждала уже Стигийского царя от этого клинка. И поторопился он в Калинов, да задержали его полчища бесов на подходе, что без толку слонялись в округе. Потому-то не попал в сам град меч Траяна, а упокоился он в первой привратной башне укреплений Калинова, докуда успел добежать Стигийский царь. Много столетий прошло с тех времен, и никому не покорился этот меч, да и не многие до него добирались. И вот теперь он в руках молодого война. Верить ли?

– Верь! – тысячник Бус подошел поближе к князю, после того, как в терем ворвался запыхавшийся отрок, что доставил какие-то вести – Не врет он. Городская стража доносит, что со стороны Мораниной впадины двигается передовой отряд воинов. Кажется, по наши головы мечи наострили. – Тысячник не ошибся. Это действительно были воины Калина, и тот предлагал сделку.

– Мой царь, победитель и владыка над всеми царями Пекла, великий Калин предлагает тебе, глава Кревеня сесть подле него, как младший товарищ, – молвил, презрительно взирая на сидящих перед ним представителей великого города Кревеня, сотник в черных вороненых доспехах с двумя нежитями-телохранителями, которых после долгих споров все же пустили в княжий терем.

– Младшим товарищем? – Недобро склонил голову князь, – А может и сапоги его вылизать заодно?

– Это как пожелаете. – Все так же презрительно глядя, криво усмехнулся сотник. – До тебя такое предложение было сделано немногим, – одна из нежестей передала мешок сотнику, который до того держала на плече, – так вот они...

На красивый дубовый пол с деревянным стуком посыпались головы побитых царей Навийской империи – Алкида, Дира, Стардвига. Последней выпала и покатила в дальний угол голова верховного архонта Аркаима – Рода. Меньше всего на свете ожидал кто-либо из присутствующих увидеть голову общего Праотца, создателя большинства народностей, уже почти всеми забытого Рода. Он был настолько недостижим для всех, что даже боги не осмеливались бросать вызов старейшему из них, которого заслуженно посадили в древние времена полновластным повелителем – архонтом в городе Аркаиме. И вот теперь голова бога лежала перед людьми. И это был конец.

– Вы прах под ногами армий Калина! – рассмеялся уже открыто сотник в лицо совсем растерявшегося князя Жереха и пнул в его сторону, подвернувшуюся под ногу голову Рода. – Пади пред ним, князь, и ты уцелеешь. Возможно.

– Время разговоров закончилось. – Молвил, медленно спускаясь с небольшого возвышения у княжеского трона молодой воин.

– Как это, кончилось? – непонимающе уставился на него сотник, инстинктивно рукой нащупывая рукоять своей сабли.

– Вместе с тобой! – ухмыльнулся внезапно воин и, вырвав из ножен свой меч, с силой метнул его в сотника, которого чудовищной силы ударом отбросило к стене и пригвоздило намертво булатным клинком, на котором уже не столь надменный и наглый сотник и повис, судорожно суча ногами. Две нежити, в задачу которых входил не только почетный эскорт, но и охрана сотника, умерли следом. Молодой воин, проходя мимо, срубил их, подхваченной буквально из воздуха, оброненной покойным уже сотником саблей, за одно мгновенье.

– Вот это да... – раззявил в изумлении рот тысячник Бус

– Что ты натворил, мальчишка! – завопили сразу несколько бояр из толпы приближенных к князю. – Ты навлек беду, горевестник!

– С таким воином беда нашим врагам, а не граду сему... – внезапно глухо молвил князь Жерех. – Как имя твое, воин?

– Стривер! – улыбнулся воин и, выдернув меч из стены, обтер его о полу своего плаща. Позади него глухо шмякнулся безжизненной тушей сотник царя Калина. – Но имя мое мало что скажет тебе, княже, но вот Стигийскому царю может и подскажет оно кое-чего.

– При чем тут он? – поинтересовался князь, искоса наблюдая, как четверо его дружинных война пытаются поднять мертвого сотника.

– Это твой трофей князь, я понимаю, – склонил голову Стривер, – но он знает, где покоятся те, кто поможет тебе в войне с Калиным.

– Если ты соврал, – князь покрутил в задумчивости пальцем ус, – ты уйдешь навсегда. И помощи от меня не дождешься. Ты понял?

– Понял. Как тут не понять! – говорил в спину, спускающемуся уже в глубокий колодец под теремом князю Стривер. – Главное, чтоб Стигийский владыка жив был.

– Чего ему станет, хрычу старому! – рассмеялся Жерех и дал знак своим войнам, что взявши за большой ворот, начали крутить его, медленно наматывая ржавые цепи на барабан. Из глубокого каменного колодца, откуда невыносимо разило страшной вонью, показался порядком уже подгнивший дубовый обгрызенный как будто бы крест с прикованным к нему стариком. Длинные седые пряди закрывали его лицо, а потому разглядеть что-то было очень сложно. Когда-то, видимо, он был очень могучим воином и даже сейчас дряблые сморщенные руки хранили в себе признаки былой силы, а грудь, пусть и костлявая была такой непомерной ширины, что оставалось только диву даваться, каким это образом его поработил Жерех. В бытность свою воином Стигийский царь порубил бы на капусту не один десяток таких вояк как Жерех. Но Стривера сейчас интересовало не это. Он всмотрелся в затейливую вязь татуировок, что покрывала большую часть груди, заросшую густым седым волосом и внезапно закричал:

– Покажите мне его лицо! Быстро! – и двое воинов подскочив, вздернули голову старику повыше и откинули седые космы назад. Прямо на Стривера уставились тяжким взглядом нестерпимо желтые глаза прикованного.

– Ну что, доволен? – поинтересовался Жерех у война, одновременно стараясь не глядеть на старика.

– Нет. – Неожиданно заявил Стривер и развернулся, собираясь уходить. – Не Стигийский царь это, князь, а Индрик.

– Кто? – опешил от неожиданности Жерех и непонимающе уставился на старика, пытаясь заново разглядеть его – Какой еще... Индрик?

– Не какой, а Индрик-зверь. Самый опасный и сильный из сыновей могучего бога Змея. В былые времена этого зверя не могли поработить армии ни одного из земных владык.

– И как же тогда взял его я? – растерянно перевел глаза на война Жерех.

– А вот это интересный вопрос, князь. – Воин подошел обратно к старику и ухватив того за подбородок, вгляделся пристально в его лицо. – Ты слышишь меня, зверь? – поинтересовался Стривер у старика. Но тот лишь таращился на него жуткими глазами и молчал. – Напой его князь, – наконец бросил воин, что-то разглядев в глазах зверя, – и отпусти. Не враг он тебе.

– Да как же я его отпущу-то? – развел руками князь. – Он полсотни зим уже сидит в яме. Вся жизнь его прошла здесь и после этого я выпущу эту озлобившуюся на меня тварь?

– Не того боишься ты, Жерех. Калин-царь под твоими стенами тебя должен пугать больше, чем изможденный полудемон. – и воин неожиданно обрушил на крест свой меч. Разом лопнули стальные обручи, державшие на кресте Индрика и упал тот на каменный пол подземелья.

– Не держи зла на меня, зверь! – закричал тут же Жерех, но Индрик смотрел не на него, а на война, что освободил его

– Как звать тебя, отрок? – неожиданно глухо как из бочки пророкотал он.

– Стривер. Младший сын Рода.

– Хм... – промычал Индрик и внезапно встал на колени – Прости меня, повелитель. Ты освободил меня, но даже не знаешь, что это я побил большинство твоих братьев и сестер.

– Род тебе судья, не я. – пожал плечами воин. – Вольно же было моим родичам судьбу свою выбирать, никто их к тебе силком не тащил на заклание. Твоя же судьба в руках князя, а мне ты худого не сделал.

– Однако, – князь Жерех подступил поближе к Индрику, – если ты не Стигийский царь, то где же он? И почему на тебе были его доспехи?

– Где тот царь я не знаю, а вот как ты ошибся, могу поведать! Может молодой Стривер узнать пожелает, как ты напал на меня спящего и изрубил всего мечом.

– Это ваши с князем дразги, не мои. – Покачал головой Стривер. – Я лишь хотел найти ответ, где искать мне Черномора.

– Кого? – переглянулись сразу все присутствующие в темнице войны. И лишь Индрик хищно сощурил глаза, уже все понимая.

– Берендея Черномора с его дружиной. – тут же пояснил зверь, блеснув глазами – А зачем тебе понадобился мой брат со своими бесами? – поинтересовался, поднимаясь тут же с колен Индрик. – Что-то не помню я, чтоб братец куда-то собирался. А уж помогать кому он вряд ли захочет.

– Мне поможет. – Хмыкнул Стривер и, вытащив меч из ножен, показал его Индрику – Если, батька Черномор мне поможет закрыть ворота Калинова, я отдам ему меч богов.

– Щедрый дар! – провел когтем по тусклому лезвию Индрик и уставился желтыми белками в глаза война – Неужели ты отдашь брату меч Траяна?

– Не о том спрашиваешь, зверь. – Усмехнулся криво Стривер и спрятал меч обратно в ножны – Лучше бы спросил, как это нам врата Пекла прикрыть от той мрази, что оттуда в наш мир ползет.

– Ты знаешь моего брата, но понятия не имеешь, откуда он получил свое второе имя – Черномор? – Индрик внезапно глухо рассмеялся. – Ровно тьму назад мой брат вздумал поработить древнее царство Мангазею. Сил было маловато не то, что на царство, на штурм одного города бы не хватило, но он прошел огнем и мечом по войскам мангазейцев, истребив сотни тысяч воинов. Его дружина была по рассказам собрана из тысячи бесов, которых он случайно отыскал в Святых горах, где спали они беспробудным сном в склепах, дожидаясь своего повелителя. Сильна была дружина моего брата, но и от нее после всего случившегося осталось только три десятка бесов. Люди испугались случившегося, ибо не мог простой смертный с дружиной в тысячу мечей, разбить целое царство, после чего на земле воцарился страх и хаос. В назидание потомкам, чтоб помнили эти страшные времена, и не забывали, отчего это они все бояться ночного времени – в память о том, когда мой брат кормился людской плотью, дали мангазейцы имя той эпохи правления – Черный Мор. – Зверь мечтательно прикрыл глаза и задумчиво продолжил – И неужели ты, отпрыск Рода, думаешь, что мой брат, повелитель тысячи бесов не справится с вратами Пекла? После того, как Черномор покомандовал демонами из Святых гор, разобраться с нежитью и парой десятков недодемонов у врат Калинова будет сушей ерундой.

– Довольно уже болтовни! – Стривер указал Индрику на выход их подземелья. – Ты покажешь мне, где найти его?

– Покажу. – Тут же согласился зверь, но сразу же уточнил, – тебе вряд ли понравится место, куда я тебя приведу.

– Время покажет...

Спустя полгода к Святым горам приблизилась небольшая дружина во главе которой был молодой Стривер с Индриком. Они, не сговариваясь, поднялись на Алтарную гору и забрались в громадную пещеру, что прорезала гору чуть ли не насквозь.

– Нам туда! – указал когтистой лапой Индрик в темноту сырой пещеры и первый двинулся по заваленному булыжниками ходу. Сколько они так шли, неизвестно, но в один прекрасный момент на Стривера откуда то снизу пахнуло резко гнилью и сыростью.

– Индрик, погоди! – закричал тут же Стривер, и шагнул было назад. – Впереди пролом!

– Так чего стоишь? – неожиданно расхохотался прямо позади война зверь и резко толкнул его руками вперед. Стривер от неожиданности даже не успел ничего сделать, когда его чудовищной силой бросило вниз и он полетел... За мгновение до того как он упал на камни на дне глубочайшего пролома, он успел заметить как вокруг внезапно посветлело.

Дружина ждала своего вождя несколько дней, а потом отправилась на его поиски сама в пещеру, но так ничего войны не нашли. Был Стривер и не стало. Даже следов нигде не осталось. Они еще месяц до того, как пришла зима, блуждали вокруг святых гор, ожидая, что кто-то появится, но потом ледяные ветра отжали их подальше и дружина ушла, разнося весть о том, как опочил навсегда последний потомок великого Рода.

В это же время глубоко на дне пролома Индрик мазал своей кровью на свежем саркофаге руны забвения.

– Хорошее место я тебе приискал, Стривер. Будет чем, потом похвастать! – зверь залиvisto хохотнул и повернул голову вбок. Рядом стоял саркофаг раза в полтора больше и шире. Индрик приложил ладонь к поверхности камня. Она была на удивление теплой и вибрировала. Сквозь грубую кожу ладоней, зверь ощущал даже легкое покалывание от силы, что таилась внутри каменного склепа. – Полежи еще, брат. Совсем немного осталось, – произнес он оглядываясь. Вокруг по периметру округлой пещеры стояли тридцать каменных саркофагов, которые таили внутри себя сильнейших воинов Земли. С самого края стояли три еще незапечатанных пустых каменных гроба. Индрик опустил голову вниз и увидел меч, оброненный Стривером при падении. – Полежи еще. – Повторил зверь, беря в руки меч и двинулся в центр пещеры, где на огромном каменном постаменте прямоугольной формы покоился молочного цвета каменный диск – Алатырь. – А я пока Кашея разбужу! – и меч обрушился на камень...

04.05.2017 г.

Куда пропал траншей-майор?

Субботним июльским ранним утром в родовое поместье дворян Львовых, деревню Толстовку, бодро рысящая тройка гнедых внесла бричку, из которой сразу же раздался повелительный окрик:

– Тиш-ше, ты, черт тебя дери! Героев везешь, а не мешки с хламом! – и на довольно-таки пыльную дорогу спрыгнул, неловко припав на правую ногу, гусарский ротмистр в ментике Изюмского полка.

– Да как же, ваше сиятельство, – свесил тут же голову с козел рябой возница самого пройдохестого вида, – как же можно растрясти-то, ежели мне сами пять рублей сверху положили!

– Хм, – удивленно потянул тут же усами ротмистр, – пять рублей? Отчего же, братец, пять рублей? Почему не шесть, или весь червонный?

– Ну, это как ваше сиятельство положит! – развел руками в сторону возница и почесал себя кнутом по спине. – Могу и полсотни запросить за такой большой прогон, а только вы же первый меня порубать саблей своей изволите, как давеча грозились!

– Это ты точно! – тут же расхохотался в густые усы ротмистр и махнул рукой – не пять, а все шесть рублей сверху дам! Знай наших, черт рябой! – После чего развернувшись, ротмистр направился прямо к хозяйскому флигелю, представлявшему из себя довольно старый уже двухэтажный каменный дом с претензиями на античность в виде четырех облупившихся колонн с фронтоном и фамильным гербом. Из флигеля навстречу двигался пожилой старик в старомодном сюртуке бригадира времен еще, дай бог, молодости Потемкина и покорения Тавриды. Старик был хоть и порядком стар и лыс, но держался прямо, хотя временами и опирался на трость с серебряным набалдашником в виде орлиной головы.

– А что, батя, – весьма фамильярно обратился ротмистр к старику, – до самих Львовых добраться изволил или нет еще?

– Я тебе не батя, щенок! – тут же вспылил старик и, яростно блеснув глазами, ткнул тростью в сторону ворот усадьбы – Прочь! Пошел прочь, шут гороховый! Вести себя научись, сопляк, со старшими, прежде чем визиты наносить.

– Экий ты, батя, не сговорчивый! – ухмыльнулся, довольно фыркнув в усы, ротмистр при этом, не забыв поинтересоваться, – И героев войны даже вином не угостишь?

– Геро-ои! – едко протянул, сплюнув прямо под ноги гусару старик. – Сдали на разгром Москву и ходят теперь – грудь колесом. Ладно, хоть самому Наполеону сопля-то в Париже утерли, а то бы и на порог бы усадьбы не пустил. Позвал бы слуг, да так вжарили бы вам по спине с мушкетов, чтоб знали, как столицы свои сдавать.

– Ну и боевой же ты старикан! – упер руки в бока ротмистр и кивком головы указал вглубь брички. – Ясно в кого сын пошел. Не зря он о вас так отзывался.

Старик, еще не веря, осторожно приблизился к открытой двери возка. На подушках разметавшись, лежал весь в поту в пропелой льняной рубашке совсем еще молодой юноша с едва наметившимися усиками на бледном изможденном лице, на котором воспаленно горели блеклые светло-серые глаза.

– Навоевался... – осел прямо в пыль старик и зарыдал.

Вечером, сидя у полыхающего камина в гостиной, ротмистр рассказал, как сын бригадира стал инвалидом. Старик, в самом деле, имел полное право гордиться своим отпрыском, но мысли его были заняты совсем другим.

Молодой Львов, имевший за плечами лишь домашнее обучение и кое-какие навыки рукопашного боя, позаимствованные от своего дядьки, отставного штык-юнкера Семеновского полка, в семнадцать лет решил поступить на действительную службу. Возможно это произошло бы попозже, но родной отец Мишки, а именно так звали нашего героя, бригадир Сер-

гей Иванович, дядькой был очень неуживчивым со скверным и очень вспыльчивым характером, за который его, к слову сказать, сам Суворов пожаловал орденом Св. Анны и спровадил из армии куда подальше. Доводилось молодому отпрыску рода Львовых получать от батеньки синяки таких размеров, что в один прекрасный момент тот не выдержал и бросился из дома родного, куда глаза глядят. Глядели глаза, кажется, правильно, и угодил он вскоре в Сумской гусарский полк, куда его приняли эстандарт-юнкером сразу же по прибытии. Старый Львов хоть и поколачивал младшего, но о будущем своего отпрыска порадел еще заранее, а потому Мишка даже не знал, что к моменту его зачисления в полк он уже лет как десять состоял на действительной военной службе в лейб-гвардии Измайловском пехотном полку. Старые связи бригадира Львова позволили не только определить сына в гвардию, когда тот еще под себя ходил, да сиську сосал, но и дали ему выслужиться аж до капрала лейб-гвардии. Глядишь, через год-другой в гусарском полку стало бы на одного офицера больше, да грянула Отечественная война. И Львов-младший с разъездом в семь сабель под Молево-Болото получил свой первый боевой опыт, напав на такой же разъезд польских улан, которых гусары порубили в капусту, а их корнета взяли в плен. Начальство даже не успело как-то оценить заслуги Львова в том бою, как спустя несколько дней под Островно, он возглавил уже целый эскадрон, после смерти своего командира, с которым он и опрокинет сразу два эскадрона французских гусар, за что его прямо на поле боя произведут в корнеты. Потом Смоленск и Бородино. В Бородинской бойне, уцелеть было трудно, тем более, что вновь возглавив осиротевший эскадрон, он, сломя голову бросился на целый кирасирский Сен-Жерменский полк. Подоспевшие товарищи из соседних эскадронов поддержали его, а потому из пламени боя вынесли изрядно порубленного, но все же живого корнета Львова, который мог теперь до конца жизни утверждать, что это он, и никто иной разгромил кирасирский полк силами одного эскадрона. Такое дело не могло пройти мимо ушей начальства и геройского гусара наградили Золотой саблей «За храбрость» и произвели в поручики. Потом два месяца госпиталя и назначение в партизанский отряд, с которым он прошел в боях до Борисова, где его на переправе догонит шальная пуля, но и он наделает дел не мало, в том числе возьмет в плен бригадного генерала и две сотни французских гренадер. За это сам главнокомандующий северной армией генерал Витгенштейн снял с себя орден Анны с алмазами и повесил ему на грудь.

– Заслужил, так носи! – дал напутственного пинка генерал перспективному офицеру и зачислил его в свои адъютанты.

Потом Бауцен, Лютцен и, наконец, Либертволквиц под Лейпцигом. Там ему и суждено было лечь костями, да бог уберег. Восемь конных атак пережил штабс-ротмистр Львов. Четыре лошади пали под ним. В дивизионе из трех эскадронов не осталось ни одного уцелевшего офицера, и он повел их в последнюю девятую атаку, где его уже во второй раз за войну изрубят так, что сочтут мертвым. Двенадцать рубленых и колотых ран насчитают впоследствии на нем. Зато Владимирский боевой крестик станет достойной наградой отличившемуся герою. Львова-младшего по ранам списали было в инвалидную команду, что этапом двигалась на излечение в пределы Российской империи, но Мишка решил, что война для него не окончена и он лично обратился к своему покровителю генералу Витгенштейну за помощью. Тот не оставил его и отправил с рекомендательными письмами под Гамбург, где определили его в качестве инженерного офицера для развития саперных работ вокруг обложенной крепости. Каким бы там он инженерным офицером себя бы не проявил, но в апреле 1814 года шальное ядро контузило так сильно Мишку, что службу пришлось оставить. Да и не смог бы он толком служить. Пластом лежал Мишка, практически не вставая. Витгенштейн, узнав о случившемся, лично просил императора и согласно высочайшего повеления, инженерного траншей-майора Михаила Львова, а он успел выслужиться до таких чинов, отправили в почетную отставку с пенсией и мундиром гусарского ротмистра.

– Всем был хорош, Мишка, – вздыхал горько ротмистр, потягивая свою трубку-носогрейку, – да французишки дух выбили из него.

– Его выбор! – отвернувшись к огню, бросил глухо старик. – Вольно ж ему было в траншеи эти лезть. Вот и получил.

– Ему от прусского короля орден дали «За достоинство», так, поди, теперь у кого найди такой!

– Кому нужны теперь его кресты и отличия, если он помрет не сегодня, так завтра?

– Ну, коль не отдал душу до сих пор, то до старости и подавно протянет. – Осторожно заметил ротмистр. – Я еще не таких контуженых знаю...

– Знает он, – хмыкнул старик и пошевелил кочергой угли в камине. – А слышал ли ты, ротмистр, о Котляревском?

– О генерале-то Котляревском? – уточнил на всякий случай ротмистр.

– О нем самом.

– Ну, кто же не знает! Герой, каких поискать. Георгия за штурм Ленкорани имеет.

– А то, что разбит он персами в котлету, и валяется какой уж год по госпиталям ты, надеюсь, тоже слышал? А ведь это генерал, ни какой-то там майор. И то, гляди, мучается так, что не приведи господи. А я сыну такой участи не хочу.

– Никто не хочет такого. Да и поправится он. Вот увидите. – Ротмистр, широко зевнув, добавил, – а пока неплохо было бы поспать часок-другой с дороги.

– Иди уж, болтун, высыпайся. – Махнул вяло рукой старик гусару. – Наверху тебе постелили.

Наутро старого Львова разбудил радостный вопль управляющего имением, Степана Олсуфьева со двора:

– Ваше сиятельство, Сергей Иванович, помещики Татарников и Геруа с супругами пожаловать изволили!

– Принесла нелегкая. – Отмахнулся, было, старик, но все же встал и, накинув халат, отправился в туалетную комнату привести себя в порядок. Тем временем два соседа со своими супругами, что по привычке прикатали на чашку чая в воскресное утро, уже войдя в дом, расположились в гостиной, ожидая, когда хозяин поместья спустится. Однако вместо Сергея Ивановича спустился молодой бледный юноша в гусарском мундире при золотой сабле.

– Отставной ротмистр Сумского полка Михаил Львов! – представился тут же юноша.

– Миша, – всплеснула тут же руками жена Татарникова Екатерина Тимофеевна, – ты ли это? Ведь писали, убили...

– Так точно, я! – резко кивнул головой гусар и упал на кресло, которое обычно занимал его отец. – Вчера-с приехать только изволил.

– Вон оно как, – покачал головой Татарников, что, будучи местным предводителем дворянства в свое время даже избирался в руководители ополчения, с которым дошел до Вязьмы, за которую был отмечен Анненской звездой, – а чего в отставке?

– За ранами. – Коротко бросил, спускаясь по лестнице со второго этажа Львов-старший, пристально взглядываясь в сидящего сына.

– Что-то не вижу ран! – как можно добродушней прогудел с дивана, который он чуть ли не весь из-за большой грузности фигуры занимал, Геруа.

– Вот и я не вижу, – упорно продолжая сверлить взглядом сына, продолжил Львов старший. – Намедни чуть живого внесли. Думал, уже отпевать сегодня будем.

– Ну, ты, брат, даешь! – расхохотался, не веря, Татарников, хлопнув себя ладонями по коленам – Да ему не помирать, а в пору на нашей Марусе жениться!

– Да уж погодим с женитьбой-то... – начал, было, старый бригадир, но его тут же перебила Татарникова.

– Мишель, да ты, никак кавалер?

– Так точно! – снова кивнул гусар, закинув ногу на ногу. – За Гамбург представлен к кресту. Вот ожидаю.

– Эка деревня эта ваша... Гамбург. – Рассмеялся Геруа – То-то у нас тут... – рассказчик замялся, забывшись, – красота!

– А что, Мишель, на бал? – все не унималась Татарникова. – Ведь бал у нас нынче Тимофей объявил. Так будешь?

– Ну, куда я денусь, любезная... – гусар замялся...

– Екатерина Тимофеевна! – тут же подсказала Татарникова и, мило улыбнувшись, добавила, – за это первый танец с меня и Маруси!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.